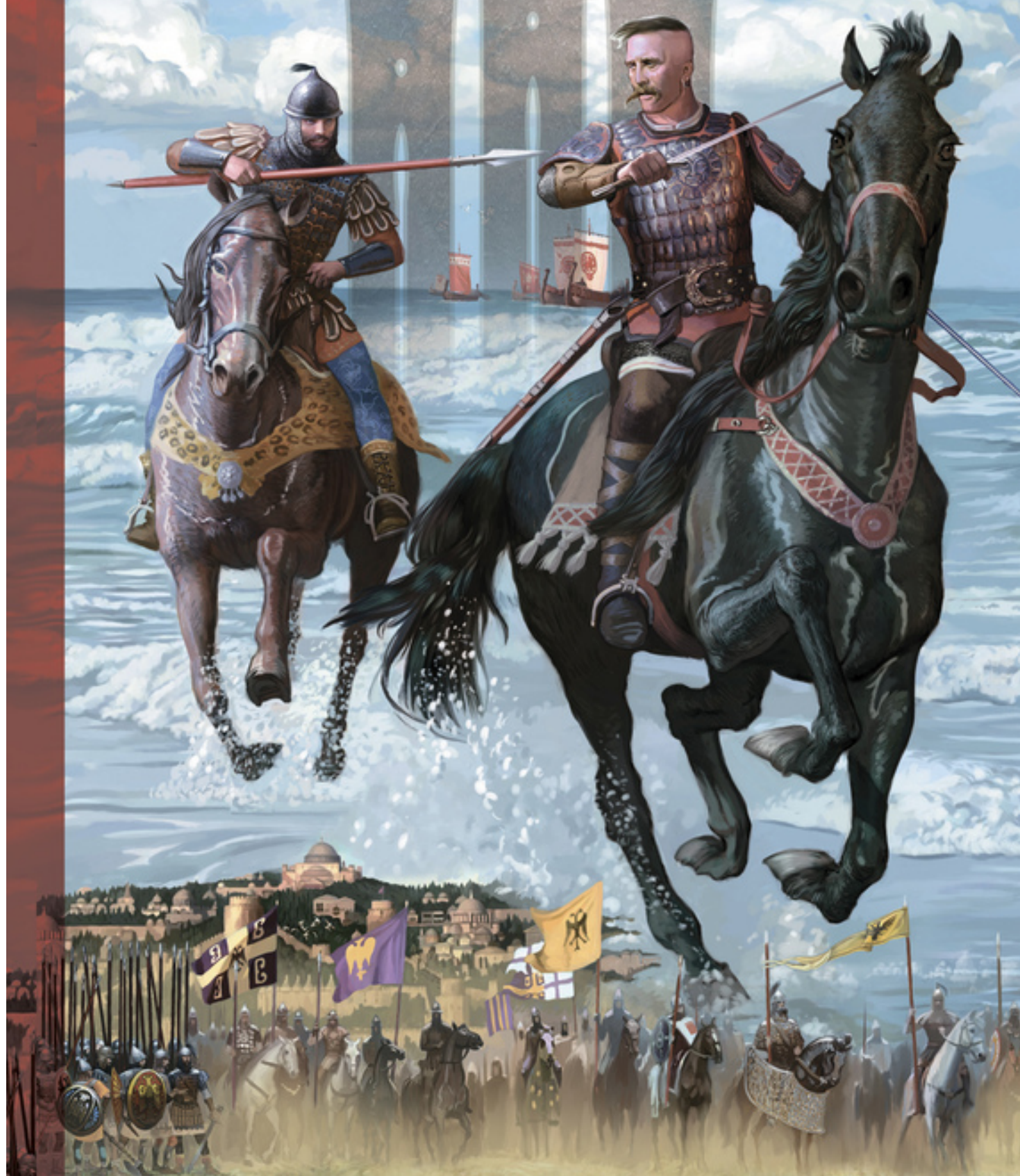

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ГЕРОЙ

Варяг

Александр Мазин

Герой

«Автор»

2006

Мазин А. В.

Герой / А. В. Мазин — «Автор», 2006 — (Варяг)

Это четвертая книга «варяжского» цикла Александра Мазина о Сергее Духареве, воеводе князя Святослава, первого настоящего героя настоящей изначальной истории Древней Руси.

© Мазин А. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	27
Глава седьмая	32
Глава восьмая	40
Глава девятая	43
Глава десятая	46
Глава одиннадцатая	48
Глава двенадцатая	52
Глава тринадцатая	56
Глава четырнадцатая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Мазин

Герой

Часть первая

Корона болгарских кесарей

Тихо в коридорах и галереях императорского дворца. Особенно тихо – после шумного и многолюдного пира.

Сегодня василевс Никифор принимал иноземных послов.

Тут были и послы болгарского кесаря Петра, и послы короля германцев Оттона Первого; послы итальянцев, арабов, россов и многих других.

Еще несколько лет назад непременно присутствовал бы посол хузарского хакана... Но нет больше у хузар хакана. Последнего убил катархонт россов Сфендослав...

– Он очень опасен, этот тавроскиф, – говорит Никифор. – Не зря его называют леопардом.

– В твоём зверинце, мой повелитель, есть не только леопарды, но и царственные львы, – шепчет Феофано.

Ее чернокудрая головка лежит на мощном колене василевса. Огромные блестящие глаза глядят на него снизу страстно и восхищенно.

Никифор не видит этих глаз. Перед его внутренним взором – сотни парусов, наполненных ветром. Это лоды россов идут вверх по Дунаю. На горе строптивой Булгарии.

Никифор знает, на что способны россы. Воины этого племени воевали под его началом в Азии. Этому ничтожеству, архонту булгар, не устоять.

Независимой Булгарии конец.

Никифор это знает.

И потому сегодня был особенно ласков с булгарами: посадил выше посланца германского короля, велел именовать Петра василевсом... А ведь этих же булгар недавно по его, Никифора, приказу по щекам хлестали – за дерзость их кесаря.

Ничего, пусть возгордятся. Скоро, скоро болгарский наглец будет, пресмыкаясь, молить Константинополь о помощи... И откроет горные проходы. И победоносная армия Восточно-римской империи вступит на земли Булгарии. Нет, не Булгарии – Мисии. Римской провинции Мисии. А он, Никифор Фока, подобно древнему императору Траяну...

Тут василевс наконец замечает глаза Феофано и забывает обо всем, даже о собственном величии.

– Встань, – говорит василевс. Его голос, могучий бас силача и военачальника, внезапно становится невнятным и хриплым. – Встань, Фео... Танцуй...

Феофано поднимается. Красный полупрозрачный шелк, ожерелье из крупных, оправленных в червонное золото рубинов, черные длинные блестящие волосы...

У Никифора было много женщин. Ему приводили и белокурых белокожих северянок с прозрачными льдистыми глазами, и чернокожих, нечеловечески грациозных африканок с кожей, упругой, как у дельфина. Были искусные и искушенные, были и совсем юные, очаровательно неумелые... Ему есть с кем сравнивать, но... Феофано несравненна. Она совершенна. Она родила Роману двух сыновей, но после родов стала еще красивее. Василевс смотрел, как мелькают над полом маленькие ступни, как едва касаются пола пальчики, как взвихряются и опадают браслеты на щиколотках, взлетают колени, подбрасывая легкие шелковые ленты, которые то расходятся, то смыкаются, пряча округлые бедра и по-детски гладкий живот. Никифор знает, что волосы на лобке Феофано сведены искусным мастером в угоду покойному

Роману. Поначалу Никифору это не понравилось, но теперь, когда Феофано в танце откидывается назад, касаясь волосами пола, он, затаив дыхание, ждет – окажется ли шелковая ткань между расставленных ног или обнажит взгляду розовую мякоть приоткрытой вагины зрелой женщины в обрамлении неестественно голой бледной кожи.

Тяжелое дыхание вырывается из влажных губ императора. Струйка слюны смочила черную с проседью бороду. Кружится Феофано, извивается в танце, встряхивает упругими грудями, оттопыривает ягодичы, танец ее становится все более непристойным, вызывающим, вульгарным. Так не танцуют в императорском дворце. Так не танцуют даже обученные всему похотливые сирийские рабыни... А Феофано – императрица...

Никифор выбрасывает руку, но опаздывает. Танцовщица-василисса успевает уклониться. В сжатом кулаке императора – невесомая полоска красного шелка. Глухой рык вырывается из груди василевса. Он бросается вперед, как когда-то бросался на врага в битве. Никифор огромен и грузен, и, конечно, не так быстр, как десять лет назад, – жизнь во дворце развращает тело. Но он все равно быстрее любой женщины. Феофано визжит в притворном ужасе, когда император швыряет ее на ложе, наваливается всей тушей, задирает вверх ее точеные ножки и берет ее грубо – как девку, пойманную в только что взятом городе. Василевс пыхтит и рычит. Василисса стонет и вскрикивает. Никифор знает: Феофано нравится так. Очень нравится. Но если бы и не нравилось – ему плевать. Это он взял ее. Взял с боем, вырвал у евнухов и святош, своих врагов и друзей, победил всех, даже Бога, но оставил ее здесь, во дворце, здесь, в императорской опочивальне. Не за ум, не за то, что она – василисса, а вот за это. За умение пробудить в нем, пресыщенном и искушенном пятидесятилетнем муже, неистовую страсть.

А позже, уже проваливаясь в приятную сонную негу, опустошенный и почти счастливый василевс Восточной Римской империи Август Никифор Фока узрел видение: бело-красные паруса и длинные весла, вспенивающие дунайскую воду. Даже в полусне Никифор знал: нескольких византийских триер с огненным боем хватит, чтобы уничтожить весь флот тавроскифов. Знал, но почему-то всё равно ощутил смрадное и липкое, как дыхание хищного зверя, дуновение. То было прикосновение страха...

Глава первая

Великий князь киевский с воеводами, ближниками и прочей военной братией

В княжьем шатре было жарковато, но, если сравнить с температурой снаружи, разница – как между предбанником и парной. Вполне терпимо. Толстый войлок неплохо защищает от солнца, а снизу края шатра приподняты, чтобы ветер с Дуная свободно проникал внутрь. Но говорить всё равно можно, не боясь чужого уха: на пятьдесят шагов вокруг никого, кроме проверенных гридней из малой Святославовой дружины, которым велено сначала бить, а потом смотреть – кого.

Инструктировал охрану великого князя лично Духарев. А взялся он за это дело после того, как Святослава дважды пытались подстрелить и один раз подсыпали яд в котел, из которого кормились не только Святослав, но и его ближники и гридни из малой дружины. Смертоносную примесь в похлебке угадал Калокир, который, как и положено благородному византийцу, в ядах разбирался лучше, чем купец – в обвесах. Злодея поймали. Отравитель, мелкая сошка из челяди черниговского **воеводы**, согласился подсыпать яд за две серебряные гривны, которые посулил ему некий персонаж из болтавшихся при войске маркитантов. Заказчик, естественно, удрал еще до того, как придурок-челядин попытался осуществить злодейство, так что обещанных гривен отравитель не получил бы при любом раскладе.

Слишком многие были заинтересованы в том, чтобы обезглавить русское войско, посему князя следовало беречь с особым тщанием, и с не меньшим тщанием беречься от вражеских шпионов, которых в сборном войске такой численности наверняка было немало.

Но среди княжеских ближников ненадежных людей нет. Даже ромея Калокира, полноправного представителя византийского императора Никифора Фоки, можно было считать заслуживающим доверия. По крайней мере сам великий князь в этом убежден.

– Ну говори, ромей, вижу: новости так и пляшут на твоём языке, – сказал князь Святослав Калокиру.

Патрикий приосанился. Прожженный византийский политик, он был чертовски тщеславен и дьявольски честолюбив. Менее чем за год Калокир ухитрился не просто войти в круг ближников Святослава, но, более того, побрататься с великим князем киевским. И завоевать уважение княжых воевод и бояр. Даже таких, как Свенельд. И княгиня Ольга, подлинная (если смотреть правде в глаза) правительница Киевской державы, благоволила патрикию. Хотя Ольга вообще поддерживала всё византийское, встречалась с ромейским императором, вела личную переписку с константинопольским двором и мечтала сговорить за своего внука Ярополка порфирородную византийскую царевну. А вот Святослав дипломатической искусностью матери не обладал. Пардус – он и есть пардус. Прыжок, лязг зубов, хруст костей – и великое княжество киевское прирастает ещё одним уделом.

– Говори, ромей, – нетерпеливо бросил Святослав, поскольку Калокир не торопился излагать свою новость – выдерживал театральную паузу.

Патрикий откашлялся, окинул орлиным взором княжых ближников: Икмора, Свенельда с сыновьями, Мстишей и Лютом, Духарева, Тотоша угорского, Бранеслава, княжича полоцкого, ярла Гуннара по прозвищу Волк, Устаха, полоцкого воеводу, и ещё дюжины полторы бояр, воевод и предводителей дружин подвластных и дружественных Киеву княжеств. Калокир удостоверился, что все слушают внимательно, слегка поклонился великому князю и произнес:

– Хан Гюйче принял золото болгарского кесаря.

– Вот змей подколотный! – воскликнул Икмор.

Воеводы загомонили, но Святослав поднял руку, и шум мгновенно стих.

– Откуда знаешь? – в наступившей тишине негромко спросил князь-воевода Свенельд, самый старый из присутствующих. И, пожалуй, самый уважаемый. После Святослава, конечно.

– Есть у меня послухи в печенежском стане. – Выговор у Калокира не ромейский, а южный, тматороканский. Неудивительно, ведь родился Калокир по соседству, в городе Херсоне. – Этим послухам можно верить.

– И сколько дал царь Петр хану Гюйче? – полюбопытствовал Тотош.

– И за что дал? – вставил княжич Бранеслав.

– За что дал, ясно: чтоб в спину нам ударили, – ответил Калокир. – А сколько – не знаю. Должно быть, достаточно.

– Если на нашу мерку пересчитать – сорок восемь гривен, – сказал Духарев.

И с удовольствием пронаблюдал изумленную физиономию ромея.

– Откуда знаешь? – выдавил Калокир.

– Послухи, – невозмутимо произнес Духарев. – В печенежском стане.

Святослав усмехнулся. Новость Калокира не была для него неожиданностью.

– Молодец, братко, – сказал он патрикию. – Теперь мы точно знаем, что *наши* послухи не ошиблись, – произнес с упором на «наши». Дипломат. Не хочет, чтобы Калокир затаил обиду на воеводу Сергея. Только Калокир – политик похитрее Святослава. Наверняка понял, что новость добыл именно воевода.

– Сорок восемь гривен? – усомнился патрикий. – Ты уверен, воевода? Чтобы за такую малость папинаки рискнули на нас напасть? Сомнительно.

– Они и бесплатно нападут, – проворчал Икмор. – Если выгодный случай представится. Зря мы с ними союзничаем. У меня младшая жена – дочь печенежского большого хана, а всё равно я им не верю.

– Я им тоже не верю, – сказал Святослав. – Но они могут быть полезны. А кусок, который им Петр кинул, нам только на пользу. Как верно заметил Калокир, сорока восьми гривен слишком мало, чтобы наполнить их волчьи желудки. Это золото их только раздражило. Но ты, Икмор, тоже верно говоришь. Коли выгодно будет, копченые все договоры забудут и на спину нам прыгнут. Да только невыгодно им сейчас с нами ратиться. Там, – князь махнул рукой в сторону Дуная, – болгарское царство. Там добыча побогаче.

– Так ли уж богаче? – заметил Тотош. – Обеднела Булгария. Нам бы самим хватило...

– Не стоит шкуру убитого медведя делить, – неодобрительно произнес Свенельд.

Тотош не понял.

– Поговорка такая, – пояснил отцовы слова Мстиша. – Дурная примета: прежде сечи о добыче говорить. Сперва надобно болгарское войско разбить.

– Разобьем, – беспечно бросил Тотош. – Мои молодцы хоть сегодня через Дунай переплывут...

– ...И болгарские катафракты их тут же обратно в реку скинут, – насмешливо произнес Лют.

У них с Тотошем был давний спор: кому первому высаживаться.

Впрочем, спорить они могли сколько угодно, решать все равно будет Святослав. А Святослав уже все решил...

Военный совет закончился, воеводы покинули шатер.

Сергей Духарев вышел наружу вслед за Свенельдом, потянулся, хрустнув суставами, прихотелся... Вкусно пахло жарёшкой. Долго они заседали, часа три. Сергей успел проголодаться. Но ужинать он будет не здесь, а со своей дружиной.

Расторопный отрок уже подвел воеводе коня, соединил руки «подножкой». Вообще-то Духарев был еще вполне способен самостоятельно забросить свои сто с лишком килограммов плоти и экипировки на конскую спину, но в такую жару попусту напрягаться не хотелось, и он помощью не пренебрег: оттолкнулся сафьяновым сапожком от мозолистых ладоней отрока,

мягко опустился в вытертое до блеска маленькое степное седло, небрежно подхватил поводья, но послал коня не уздой – шенкелями.

Княжья стража расступилась, пропуская воеводу... И его тут же окружили собственные гридни.

– Серегей, погоди!

Духарев оглянулся и увидел Устаха.

– Поснедаем вместе? – спросил полоцкий воевода.

– Нет возражений, – согласился Духарев. – Только из моего котла.

– Почему же – из твоего? – запротестовал Устах. – Вчера – из твоего, позавчера – тоже...

– Друг мой, у тебя кто нынче куховарит?

– А я почем знаю? – пожал плечами полоцкий варяг. – Кто-то из отроков. Чей черед, тот и куховарит.

– Вот именно. А у меня куховарит не гридень, а повар. Потому что баранина – это тебе не свинья лесная. Баранину приготовить – уметь надо.

– Совсем ты, Серегей, оромеился, – фыркнул Устах. – Прямо как Калокир стал. Нам, варягам, – всё съесть, что мясо.

– Поехали, поехали! – засмеялся Духарев. – От хорошей стряпни еще ни один варяг ромеем не стал.

Лагерь русского войска растянулся вдоль дунайского берега едва ли не на поприще. Хотя собственно руссов – варягов, полян-деревлян, нурманов и прочих, присягнувших лично великому князю Святославу или его воеводам, – было не более двадцати тысяч. Еще тысяч десять составляли дружины союзных и подвластных Киеву владык: князь-воеводы Свенельда, князей полоцкого, черниговского и иных, помельче. Еще столько же – из охотников: примученных недавно лесовиков-вятичей, вольнолюбивых новгородцев, тмутороканцев, ясов, касогов, славянских ополченцев, хотя и знавших, с какой стороны братья за копье или как натягивать боевой лук, но вряд ли способных выдержать удар тяжелой конницы или выжить в кровавой степной «карусели».

А вот для двадцати тысяч печенегов – организованных, предводительствуемых большими ханами Гюйче и Кошту, и «приблудных», из мелких ватажек, слетевшихся на запах крови и золота, – степная война была источником хлеба насущного. Еще были восемь тысяч союзных угров дьюлы Такшоня, приведенных его сыном Тоттошем... Внушительное войско, ничего не скажешь. Глянешь с седла – конца-края не видно.

Однако по-настоящему опереться великий князь киевский мог едва ли на половину сошедшегося под его знамя воинства. А за копчеными-печенегами и вовсе нужен глаз да глаз...

Солнце уже покатилося к закату, когда к Духареву прискакал гонец от великого князя: снимаемся.

Полторы сотни варягов, дружно ухая, спихнули «Морского коня», духаревский морской драккар «шведской сборки», во взмученную воду Дуная. А еще через несколько минут закачались на мелкой волне остальные корабли духаревской дружины: боевые русские лоды. Эти были поменьше трофейного драккара, но тоже хороши: две сработаны тмутороканскими корабельщиками, одна – смоленскими, остальные – своими, киевскими. Каждая могла нести полсотни воев в морском походе, а вмещала при необходимости и полторы. Это была не вся духаревская дружина – только отборные гридни, опытные, отменно экипированные и умелые в пешем бою. Таких во всем войске Святослава было не более пяти тысяч. Но им в стратегическом замысле великого князя киевского предназначалась главная роль...

Мимо, подгоняемые слаженными ударами весел, прошли головные корабли Святослава.

– Йонах! – крикнул Духарев уюмстившемуся на верхушке мачты Машегову сынку. – Как там, на том берегу?

– Стоят! – крикнул в ответ глазастый хузарский хлопец. – О-о-о! Тронулись!

Естественно. Булгарская армия перемещалась параллельно русской. Петр понимал: главное – не дать киевскому князю высадиться и закрепиться на болгарском берегу. Смять ударом кавалерии лодейный десант, расстрелять переправляющуюся вплавь конницу... У болгарского царя в этой игре были все козыри. По крайней мере он сам так считал.

Стратегический план Святослава: измотать болгарское войско жарой и ожиданием, а потом высадить пехоту на берег прямо на глазах у численно превосходящей тяжелой конницы. Любой ромейский полководец счел бы такой десант самоубийством. И был бы прав. Такой план – безумная авантюра с точки зрения любого грамотного стратега... Никогда не видевшего, как десантируется на вражеский берег нурманский хирд. Или варяжская дружина.

Глава вторая

Булгарский берег

Пчёлко из Межича, десятник третьей сотни болгарских катафрактов, водительствоваемых первым болярином кесаря Петра Сурсувулом, не видел русов – только верхние края полосатых парусов русских лодий. Парусов было много, но меньше, чем могло быть. Над парусами змейками вились флаги и вымпелы. Русы пришли воевать Булгарское царство. Поэтому Пчёлко был здесь, под знаменем нелюбимого им, да и многими булгарами, кесаря Петра.

Под Пчёлкой был конь из царской конюшни. И новые доспехи из царской кузницы. Новое копье и новый щит. Только сабля в ножнах – старая, проверенная.

Этой саблей совсем юный Пчёлко рубился под знаменем кесаря Симеона с катафрактными ромейскими. А потом – под знаменем его младшего сына – против сына старшего, нынешнего кесаря Петра, когда младший поднял боляр против старшего брата. Но пришла беда – и пришел Пчёлко биться за Петра. Нет, не за Петра – за Булгарию.

Тридцать тысяч латников привел на Дунай кесарь Петр, чтобы встретить пятидесятитысячное войско русов. Но никто в болгарском войске не сомневался в победе. Ведь большая часть войска русов и их союзников – по ту сторону Дуная. И союзникам этим, степным волкам, палинакам-печенегам, Петр Булгарский послал три мешка золота. И еще десять раз по столько обещал, если ударят палинаки в спину русам. Мог бы и не посылать. Не рискнут русы выйти на булгарский берег. Не настолько глуп их князь Святослав, чтобы бросить свою пехоту под копыта булгарской конницы. Стопчут. Нет такой пехоты, что способна в поле сдержать удар катафрактов.

Плывут русские лоды по Дунаю.

Вровень с ними по хорошей старинной дороге движется булгарское войско.

А по другому берегу идет русская конница.

Нещадно палит солнце. Даже привычным ратникам дьявольски жарко: в доспехах, в войлочных и кожаных подкольчужниках и подшлемниках. Тем, кто плывет по Дунаю, – легче. Вокруг вода. Можно зачерпнуть шеломом, выплеснуть на голову. Тем, кто по ту сторону, – тоже легче. Они могут даже и брони снять. Между ними и противником – Дунай.

Тяжело Пчёлке. Но кое-кому из его десятка, тем, кто не послушал старших и выхлебал воду из фляги еще до полудня, – еще тяжелее. В горле сухо, едкий пот струится по лицу...

«Не по уму так, – думает Пчёлко. – Измучатся вои. Ослабеют».

Но не Пчёлко решает – решает кесарь. И Сурсувул. И старшие боляре.

«Скорей бы решилось...» – думает Пчёлко.

Уж третий день так...

Сотник Велим черпнул кожаным ведром из Дуная, выплеснул на голову, фыркнул с удовольствием, передал ведро следующему и уселся на палубу рядом с гребцом. Можно бы и не грести – ветер попутный, парус – пузырем; но кораблям нужно держать ход, заданный головным, на мачте которого плещется знамено с пардусом. Впрочем, «Морской конь», драккар воеводы Серегея, – корабль ходкий. И гребут варяги Велима, особо не напрягаясь, в удовольствие, сменяя друг друга намного чаще, чем в обычном походе. А почему бы и не сменяться, если людей на драккаре – втрое против обычного. Так грести – не работа, а удовольствие.

Рядом с сотником ворочает веслом хузарин Йонах бар Машег. Ничего так управляется, не хуже прочих, хотя у того же Велима мяса на костях – раза в два побольше, чем у шестнадцатилетнего Йонаха.

Йонах Велиму нравится. Добрый гридень. Немножко нахальный, что неудивительно для сына итильского наместника Машега, зато стреляет Йонах лучше любого в Велимовой большой сотне. Что для природного «белого» хузарина тоже неудивительно.

Велим посмотрел на нос. Там, обняв деревянную конскую голову, стоял его воевода, большой киевский боярин Серегей. Голая загорелая спина воеводы – шире сходней, по которым коней на лодью заводят. Таких здоровяков, как Серегей, даже среди нурманов и свеев еще поискать надо. Но воевода – не нурман. Никто не ведаёт точно, кто он родом. Говорили: Серегей из кривичей. Еще говорили: дядька Рёрах знает, откуда пришел Серегей: он у воеводы пестуном был. Но дядька Рёрах об этом говорить не пожелал. Даже княжичу беловодскому Трувору сказал: «Не твоего ума дело». Так говорить с Трувором даже великий князь не стал бы. Но Рёраху можно всё. Так что не узнал Трувор, откуда родом воевода Серегей. Да и не важно это. Серегей – варяг. А откуда пришел, это и впрямь не важно. Вот полоцкий князь Роговолт тоже неизвестно откуда пришел. Говорят, из-за моря. Говорят, тоже один. А может, с дружиной. Только от дружины этой в живых никого не осталось. Роговолт – варяг. И Серегей варяг. Этого довольно.

Словно угадав, что сотник думает о нем, воевода повернулся... и подмигнул Велиму. Кровь прилила к лицу сотника. Смутился Велим, будто красна девица. Хорошо, под загаром не видно, как порозовели щеки. Когда твой воевода – ведун, это, конечно, хорошо, но иной раз...

– Батька, на княжьей лодье парус спускают! – крикнул кормчий.

Гридни оживились. Духарев с удовольствием отметил, что грядущего боя никто не боится, хотя оценивал шансы на успех десанта как один к одному. И в этой оценке уверенность русов в победе играла очень серьезную роль. Чертовски важный фактор – боевой дух. Чтобы в войске никто и мысли не допускал о возможности поражения. Но с этим у русов – порядок. До сих пор воины, сражавшиеся под стягом Святослава, поражений не знали.

Парус упал. Его проворно упаковали в кожаный чехол. Кормчий, не дожидаясь команды, направил драккар к берегу. Духарев оглянулся. Остальные пять лодий его дружины, практически без задержки повторив всё, что делали на драккаре, шли в одном строю с «Морским конем», как привязанные, идеально выдерживая направление и дистанцию.

На ближней – первый помощник воеводы Серегея, природный варяг, большой сотник Стемид Барсук, двоюродный братец Стемида Большого, ставшего белозерским князем после смерти своего отца Ольбарда Красного. Барсук – человек надежный. В свое время именно в его сотне ходил духаревский сын Артём, который в этом походе Святослава не участвовал. Остался в Киеве. На то были особые причины, о которых знали только Сергей и его жена Сладислава. Даже сам Артём был в неведении, но отца послушался, остался.

– Брони вздеть, – негромко, но четко произнес Духарев. И первым достал из-под скамьи тук с доспехами.

Гридни облачились, свежие сменили тех, кто был на веслах.

– Реже веслами, реже! – гаркнул Духарев, заметив, что гребцы в азарте норовят вырваться вперед, опередить княжьи корабли. – Держать строй!

Все корабли должны подойти к берегу одновременно и на сравнительно узком участке.

Растянутая флотилия русов, перестроившись углом, словно журавлиный клин, быстро «уплотняясь» и разгоняясь, двигалась к болгарскому берегу. Впереди – лодья Святослава. Острые стрелы.

Риск. Если у болгар окажутся наготове боевые машины, то плотный строй – лучшая мишень. Но болгарское войско – на марше, чтобы подготовить и развернуть баллисты и катапульты, требуется время...

– Повеселимся, братья! – закричали с соседней лоды, подтянувшейся уже на половину стрелища.

Мальчишка Йонах, нахаленок, вспрыгнул на борт, заплясал, балансируя, испустил волчий «варяжский» вой.

– Ну-ка на палубу! – гаркнул на него Духарев, но Машегович его не услышал. Клич подхватили, и все звуки утонули в ледящем душу вое. Катафракты на болгарском берегу, поспешно перестраивающиеся из походного в боевой порядок, наверняка тоже его услышали. Надо полагать, им не очень понравилось.

Духарев дотянулся, ухватил Йонаха за ремень, сдернул с борта на палубу, показал кулак. Хузарский व्यюнош осклабился: доволен, нахаленок.

* * *

Затрубили перестроение к бою. Команду, голосом, повторил сотник, за ним, эхом,десятники, в том числе и Пчёлко. Его десяток перестроился вполне удовлетворительно. Никто не перепутал места, не уронил оружия, не огрел соседа копьём по шлему. Убедившись, что маневр закончился, Пчёлко двинул своих влево и вперед, занимая место согласно распорядку: во второй шеренге своей сотни, а сотня, в свою очередь, – в шеренге первой Сурсувуловой тысячи.

Теперь Пчёлко видел не только мачты и стяги, но и сами русские корабли. Русы на веслах шли к берегу. Очень хорошо шли, быстро, красиво. Пчёлко даже залюбовался. Потом прикинул, сколько воинов может быть на этих кораблях, и еще раз восхитился. На этот раз – храбростью. Если, конечно, это не обманный маневр, призванный отвлечь болгар, пока где-нибудь в другом месте высаживается еще одно войско.

Солнце пекло. Пот заливал глаза, мешая смотреть. Пчёлко стянул рукавицу, обтер лоб, прополоскал рот глотком разбавленного вина, оглядел своих – остался доволен. Несмотря на жару, его парни держались неплохо, в готовности; поднятые вверх копья стояли твердо, не дрожали.

Корабли русов летели к берегу. А берег здесь был хорош: плоский, песчаный. Высаживаться удобно. Но атаковать конницей – еще удобнее. Пчёлко заранее знал, что сейчас случится. Русы сойдут на берег и попытаются занять оборону. Но без укреплений, без фашин, без заточенных кольев удар латной кавалерии им ни за что не удержать. Катафракты обрушатся на них, русы побегут, попытаются укрыться на своих кораблях, но отчалить не успеют. Корабли, приставшие к берегу, будут захвачены, русы сброшены в Дунай. Тогда за дело примутся лучники и пращники. Те из русов, кто сумеет избавиться от доспехов и умеет хорошо плавать, может, и спасутся. Остальные сдадутся или утонут...

* * *

Лодьи летели птицами. Берег стремительно приближался. Духарев отчетливо видел метрах в двухстах от края воды длинную шеренгу всадников. Начищенная броня горит на солнце, поднятые копья – словно заросли тростника. Очень красиво, если отрешиться от того, что это – смерть. Но о смерти думать нельзя. Только – о победе.

Шипела вода, разрезаемая упругим корпусом драккара. Слаженные удары весел толчками гнали корабль к чужому берегу. А до берега – метров триста. И с каждым взмахом он – на полкорпуса ближе.

Двести метров. Духарев поднял лук, наложил на тетиву сразу две стрелы. То же самое сделали полсотни его гридней...

Сто метров...

– Сушить весла! – закричал Духарев. И сразу же, мощным рывком уводя к уху поддетую кольцо тетиву: – Бей!!!

Звонко защелкали тетивы. Загудели-зашипели стрелы. Гребцы втянули весла. Драккар неся к берегу по инерции, а лучники метали стрелы в застывший строй булгар. Полминуты – и колчан Духарева опустел. Воевода не успел оценить, какой урон нанесли катафрактам русские стрелы. Буквально в следующее мгновение крепкий киль драккара задел дно. Сергея бросило вперед, он ухватился за носовую фигуру, привычным движением сунул лук за спину, в саадак, прыгнул вниз, на песок. Одновременно с сотнями, нет, тысячами других воинов Святослава.

* * *

Корабли русов убрали весла. Сейчас они выскочат на песчаный берег, трубы проревут атаку, и, оцетинившись копьями, понесется на них конная лава.

Пчёлко настолько сосредоточился, ожидая сигнала (да и жара измотала, притупила внимание), что упустил миг, когда туча стрел взмыла в небо. Но когда стрелы посыпались на катафрактов, Пчёлко уже был наготове: уронил на лицо забрало, прикрылся щитом... Русская стрела с силой ударила в край щита, другая скользнула по наплечнику, третья лязгнула о налобник коня – Пчёлко с трудом удержал его в строю. Рядом кто-то вскрикнул, жалобно заржала лошадь... Из-под щита Пчёлко глянул на своих... Держатся. У русов сильные стрелы, подумал Пчёлко, но на таком расстоянии доспех им не пробить, урон будет небольшой... Сглазил. Один из его десятка, охнув, повалился с коня... А стрелы сыпались, густо... Пчёлко съежился за щитом. Тяжело вот так стоять в бездействии, ждать: не найдет ли тебя смерть...

Момент, когда русы оказались на берегу, Пчёлко тоже упустил. А когда наконец прозвучало долгожданное: «В атаку!», Пчёлко опустил щит и... увидел, что русы уже не в двухстах, а в пятидесяти шагах. **Они пеше атаковали тяжелую конницу!**

Зрелище бегущей на катафрактов пехоты настолько поразило Пчёлку (и не его одного), что он упустил еще несколько мгновений. Очнулся, когда набегающий на него здоровенный уса́тый рус в круглом шлеме, размахнувшись, метнул в Пчёлку копье.

Тут уж Пчёлко не оплошал: принял копье на щит... И остался без щита. Копье руса пробило бычью кожу и деревянную основу и выскочило изнутри. Пчёлко уронил бесполезный щит. Рус (уже в десяти шагах) высоко подпрыгнул, замахаясь мечом... Пчёлко выставил собственное копье, запоздало сообразил, что это оружие, сокрушительное в руках скачущего катафракта, слишком длинно и неуклюже, когда конь этого катафракта не летит карьером, а храпит и пятится.

Рус даже не стал уворачиваться, просто ухватил копье повыше наконечника, рванул – и Пчёлко, воин, сорок лет носивший доспехи, выпал из седла, словно новобранец. Рус мимоходом, небрежно сунул мечом Пчёлку в бок, снес наконечник копья, которым хотел попотчевать его «сосед» Пчёлки. Пчёлко успел еще увидеть, как его собственный конь встает на дыбы, а рус ловит его за узду...

Это было последним, что увидел Пчёлко Радович, перед тем как обрушившееся на шлем конское копыто отправило булгарина во тьму.

* * *

В том времени, в котором родился Сергей Иванович Духарев, генералы не бегали.

«Генералы не бегают, – гласила тогдашняя армейская мудрость, – ибо в мирное время зрелище бегущего генерала вызывает смех, а в военное – панику». Здесь же воевода – это воевода. Тот, кто ведет, а не тот, кто подает команды из-за чужих спин. В здешней Европе короли лично возглавляли собственные армии. Нынешний император «Второго Рима», Византийской империи, Никифор сам преводительствовал армиями и, говорят, мог копьем насквозь продырявить воина в доспехах. Его предшественник на константинопольском троне Роман предпо-

читал воевать не на поле брани, а за столом и в спальне... Поэтому его стол и спальня вместе с красавицей-женой достались Никифору. Ходили слухи, что императрица сама и организовала свое вдовство. Император-воин был ей симпатичнее императора-гуляки.

А у русов даже князь – «первый среди равных». Это значит – в сече он тоже первый. Первый бросок копья – его. И первое брошенное врагом копье – тоже в него. Князь – первый. Но дружина – рядом. Всегда. Пока жив хоть один гридень. И любой из дружинных всегда готов принять на щит, а придется – и на грудь нацеленный на батьку удар.

Воевода Серегей бежал. А справа и слева бежали его гридни. Не отставая и не опережая (хотя могли бы и обогнать), держа удобную дистанцию в полторы сажени. Первые тридцать шагов – не очень быстро: песок. Потом, когда под ногами замелькала прибитая трава, – шибче.

Духарев бежал так быстро, как только мог. Тренированный воин в полном доспехе может пробежать две сотни метров за полминуты или даже быстрее. А счет шел на секунды. Будь у катафрактов хотя бы пятьдесят метров разбега – и их не удержать. Страшное это дело – удар латной конницы. Стопчут, сметут одной только массой.

Духарев бежал и молился: дай, Господи, добежать! Только бы успеть, только бы...

Успели. Замешкались болгарские командиры. Упустили заветные решающие секунды...

Набегая на конную шеренгу, каждый рус выбрал себе первого противника. Духареву достался воин в шлеме десятника. Он только-только высунул голову из-за утыканного стрелами щита, когда Сергей метнул копье. Булгарин принял копье на щит – поймал бронзовой накладкой, защищавшей руку. И остался без руки. То есть накладка-то выдержала, и булгарин даже в седле удержался, но ушибленная рука повисла плетью. Еще бы – Духарев брошенным копьем тура до сердца пробивал. Бросить длинное и потому практически бесполезное в ближнем бою копье и взяться за меч булгарин не успел. Подал коня назад (в плотном строю лучше бы на дыбы поднял), попытался ударить древком, как дубиной. Духарев даже уклоняться не стал, принял на панцирное плечо, кольнул мечом под подбородочный ремень (благо рост позволял), сдернул смертельно раненного десятника с коня, почти не глядя отмахнулся от другого болгарина (попал), нырнул под копье третьего, хлестнул с левой руки, саблей, по бедру (просек и кольчужные штанишки, и бедро до кости), ворвался во вторую шеренгу, рубанул влево, уколол вправо. Завладел одним из «освободившихся» коней – пошла потеха!

Поощрив трофейного коня мечом, плашмя, по крупу (эх, сейчас бы иметь под седлом своего, вышколенного на голос, послушного каждому прикосновению!), Духарев вломился в уже порядком смешавшиеся ряды болгарских катафрактов и, пользуясь преимуществами роста, длинных рук и отточенным за два десятилетия воинским искусством, принялся кромсать и крушить вражьи панцири, как рачьё скорлупу. Правда, недолго. Через минуту он «увяз» в массе обезумевших лошадей, в большинстве уже лишенных всадников. Теперь Духареву приходилось в первую очередь беречь ноги: как бы не отдавили боками. А вокруг продолжали рубиться. Русов было заметно меньше, но такая тесная сеча была их стихией, в то время как болгарских всадников учили другому: атаковать с разгона, перестраиваться, маневрировать купно и розно... Поманеврируешь тут, когда на метр коня не сдвинуть. Да и сами болгарские вои были пожиже. В большинстве – молодняк. Несколько десятилетий братоубийственных гражданских войн основательно проредили воинское сословие Булгарского царства.

Только этим, да еще внезапностью, и можно было объяснить, что высадившаяся русская пехота смогла существенно потрепать впятеро превосходящую числом, полностью экипированную латную конницу.

Потрепать, но не победить. Значительная часть болгарской кавалерии в битве вообще не участвовала. Духарев слышал, как трубят болгарские сигнальщики, и, даже не зная болгарских управляющих сигналов, отлично понимал, что происходит. Сурсувул пытается вывести из боя сохранившие какой-то порядок части, организовать их и ударить уже по-настоящему...

Духарев всё видел и слышал, но ничего не мог сделать. Его собственные гридни точно так же «утонули» в живой массе болгарской конницы. Только личная дружина Святослава справа и водительствоваемые Икмором скандинавы слева продолжали ломить сквозь шеренги катафрактов...

Лошади бесились от запаха крови. Трофейный конь Духарева мотал головой в стальном налобнике. Он то бил задом, то норовил встать на дыбы. Сергей понимал, что надо как-то выбираться. Надо собрать своих гридней...

– Велим! – закричал он, углядев сотника своей личной гвардии. – Велим! Сюда!

И безжалостно погнал коня сквозь мешанину боя, по телам павших, рубя всё, до чего мог дотянуться. Через минуту, ценой невероятного напряжения, они соединились. И дело пошло веселее. Смятенные, измученные жарой и долгим ожиданием катафракты сами бросали оружие, когда видели над собой варяжские мечи. Сдавшихся не убивали и не вязали: предоставляли самим себе. Поднимаясь на стременах, Духарев видел, что подальше от берега не затронутые боем болгарские полки отходят и перестраиваются для новой атаки. Еще он видел, что высадившие их лоды возвращаются с новыми воинами, а поверхность Дуная черна от множества переправляющихся вплавь... И тут первый снаряд прогудел над головами сражающихся и плюхнулся в воду.

Булгары наконец развернули и пустили в дело боевые машины. И машины эти были (какая удача!) совсем рядом.

– За мной! – проревел Духарев. – Клином!

Его дружина (сотен пять уже собралось, все – на трофейных лошадках), живо перестроилась, навалилась единой массой, прорвала дезорганизованное болгарское воинство, смела слабый заслон и навалилась на расчеты баллист и катапульт раньше, чем те успели обрушить на переправляющихся русов каменный град. С полсотни посекали, остальные бросились врассыпную, как куропатки.

– В круг! – заревел Духарев. – Вozy в круг! Живо!

Часть гридней, спешившись, принялась разворачивать телеги с припасом. Другие прикрывали: кто – клинком, кто – стрелами. Повезло: пара возов оказалась доверху нагружена амунницией для стрелометов. Для луков эти стрелы были не очень-то пригодны: тяжелые, неудобные, без оперения. Но для дистанции в тридцать-пятьдесят метров годились и они.

Несколько минут – и посреди смешавшихся болгарских порядков организовалась неказистое на вид, но вполне надежное укрепление из распряженных возов и уложенных помостами вонне катапульт.

А когда углядевший это «безобразие» болгарский воевода бросил на него катафрактов, то оказалось, что взять импровизированную крепость не так уж просто. Русы ссаживали конных латников стрелами, выныривая из-под телег, секли ноги коням. Тех же, кто, спешившись, пытался влезть на баррикаду, быстренько успокаивали варяжские мечи и топоры.

А тем временем с русских лодий высаживались новые дружины. Эти уже не бросались сразу в атаку, а занимали оборону, чтобы обеспечить остальным безопасную высадку.

Булгары попытались скинуть их в Дунай, но поскольку вместо дружного удара тысяч латников в этой контратаке участвовали всего лишь сотни семь оказавшихся поблизости катафрактов, русы выстояли.

Духарев всего этого не видел. Не видел, как рвался к «ставке» Сурсувула железный клин ближней дружины Святослава. Не видел, как переправившиеся угры закидали стрелами левый фланг болгарского войска. Не видел, как выбравшиеся на болгарский берег печенеги, вместо того чтобы вступить в битву, с ходу кинулись грабить обоз...

Духарев всего этого не видел, потому что весь обзор ему перекрыли наехавшие катафракты. Не менее полутора тысяч их скопилось вокруг импровизированной крепости, вокруг которой, помимо стены из возов и орудий, образовалась еще одна стена: из мертвых и раненых

латников, убитых и бьющихся в агонии лошадей. Напирали крепко. Воеводе приходилось трижды откладывать лук и пускать в дело клинки.

Тетива лука порвалась, пришлось накинуть запасную. Но Сергей уже понял, что его маленькую крепость булгарам не взять. Их натиск ослабел, а потом и вовсе схлынул.

Воины утирали пот, перевязывали раны. Те, кто пободрее, тут же принялись обдирать доспехи с мертвых булгар.

Духарев вскарабкался на поваленную катапульту. Победа русов была очевидна. Булгарское войско отступило по всей «линии фронта». Лодьи были вытаснены на песок, но на пологий берег всё еще продолжали выбираться всадники. Набитые соломой бычьи шкуры, с помощью которых они переправлялись вплавь, напомнили Духареву северные тюленьи лежбища.

А подальше от берега уже поднимались черные столбы дыма. Духарев подумал: печенеги безобразничают. Но позже оказалось, что селения подожгли сами булгары по приказу Сурсу-вула. Чтоб русам не достались.

– Коня мне! – спрыгнув в катапульты, приказал Духарев. – Стемид! Остаешься старшим. Пленных не добивать, ясно?

– Как скажешь, батька.

– Велим! Собери сотню. Поедем к князю.

Глава третья

Погоня

Великий князь киевский был доволен. Победа далась русам легко. А вот князь-воевода Свенельд радость Святослава не разделял: ведь большая часть болгарского войска уцелела и ушла к Доростолу.¹

– Я догоню их, великий князь! – заявил Тотош. – Дозволь?

– Иди, – разрешил Святослав. – Но твоих угров мало будет. С тобой пойдет... – Князь оглядел присутствующих, остановил взгляд на Духареве. – Как, воевода, твоих не очень потрепали?

– Не очень, – сказал Сергей.

Преследовать болгар он не особенно рвался.

В отличие от молодежи: Тотоша, Икмора, Бранеслава, Свенельдичей... Может, потому и выбрал его Святослав.

– Тысячу Понятки тоже возьми, – распорядился великий князь. – Они за печенегами высаживались, в бою, считай, не были.

Первыми отходящих болгар догнали угры. Повисли на хвосте, осыпали стрелами. Катафрактов они, ясное дело, не остановили. Дорога к Доростолу прямая, широкая, еще со староримских времен. По обе стороны – сады, по кривой не объедешь.

– Наедем, батька? – Понятко уже давно в княжьих тысячниках, но всё равно звал Духарева «батькой»: из уважения к тем временам, когда ходил простым гриднем в духаревском десятке.

Сергей поглядел на поднимающуюся на взгорок сверкающую сталью и бронзой «гусеницу» болгарского ардъегарда, прикинул: тысячи две латников. Русов примерно столько же. Да еще угров тысячи две. От угров в рукопашной толку немного, но с боков пощипают.

– Йонах! – гаркнул Духарев. – Скачи к Тотошу. Скажи: как болгары через горку перевалят, мы на них сверху ударим. Пусть его всадники у нас под ногами не путаются.

Хузаренок умчался.

– Стемид, всё слышал?

– Всё, воевода.

Духарев поглядел назад. Его дружина шла первой, перед тысячей Понятки. На духаревских дружинниках железа поменьше, чем на болгарских катафрактах, зато опыта воинского побольше.

– А раз слышал – оповести сотников.

– Батька! – вмешался Понятко. – Дай моим первым ударить!

Духарев подумал немного... Согласиться или нет? Его гридни всё же поопытней. И экипированы лучше. Зато Поняткина тысяча – свежая, злая...

– Ударь, – согласился он.

Понятко засмеялся, развернул коня и поскакал к своим.

¹ Этот древнефракийский город на Дунае, когда-то бывший римской колонией (Durostorum), назывался также: Доростолум, Дористол, Дристра (совр. Силистра). Славяне назвали его Драстар, отправляясь от фракийского названия Драстра, сообщенного им местным населением. Во избежание путаницы я буду называть его Доростолом, поскольку в большинстве документов он фигурирует именно под этим именем.

Минут через десять духаревские гридни остановились и подались к правой обочине, пропуская Поняткиных всадников. Те бодренько рысили вверх по дороге, перекидывались шуточками с Серегиными дружинниками...

«Хвост» болгарской колонны достиг вершины взгорка...

Между ним и русами – метров пятьсот дороги, на которой вертелось сотни три угров. Остальные, рассредоточившись, мелькали между деревьями...

Вроде бы всё было нормально, но Духарев вдруг забеспокоился.

Привстав на стременах, еще раз огляделся. Дорога, уходящая вверх, ветви деревьев, обвисшие под тяжестью плодов. Первые сотни Поняткиной тысячи уже обогнали передовых Духарева шагов на двести...

И тут Сергей понял!

«Хвост» болгарской колонны уползал слишком медленно!

Да он вообще не уползал!

На вершине взгорка болгары остановились.

Остановились и...

– Дружина! Сомкнись! – разъяренным туром взревел Духарев. – Велим! Ко мне! Сейчас ударят! Велим!

Велимова охранная сотня в считанные секунды сошлась вокруг воеводы, перекрыв дорогу, ошестинившись копьями. Он слышал, как позади спешно перестраиваются остальные: свои и Поняткины, а наверху уже ревели трубы и болгарские катафракты, ошестинив длинные копья, начали свой страшный разгон.

Если бы можно было уйти с их дороги, пропустить мимо, засыпать стрелами, ударить вслед...

Поздно. Не успеть.

Дальше всё происходило очень быстро.

Не успевших убраться с дороги угров лавина катафрактов снесла, не заметив. Две сотни Поняткиной тысячи, успевшие выйти вперед, подняли коней в галоп и устремились вверх, навстречу болгарским латникам.

Самоубийственный маневр. Катафракты сбросили их с дороги в считанные секунды.

– Стрелами! Бей! – закричал Духарев. Голос его потерялся в воплях, лязге и треске, но дружина и без того знала, что надо делать.

Дружный залп спешил сразу не менее полусотни катафрактов. Но лавину не остановил. Разогнавшаяся масса латников промчалась по бьющимся на камнях лошадям, по телам упавших и врезалась в плотный строй русов.

Духарев был в третьей шеренге, но длинное копьё прошло между двумя шеренгами гридней, ударило в щит Духарева и переломилось. Хруст древка утонул в грохоте боя. В следующую секунду Сергей обнаружил, что гридней впереди него больше нет, а в лицо ему летит еще одно копьё. Духарев пригнулся – копьё прошло над головой, зато другое угодило в шею коню и пронзило насквозь. И тут же закованный в железо конь катафракта врезался в духаревского жеребца, опрокинул его, оказался сверху (широкое копыто едва не угодило в шлем Духарева) и, развернутый напором задних рядов, повалился набок, выбросив своего всадника прямо на голову Духарева. Они рухнули под копыта атакующей конницы. Ноги Сергея были придавлены содрогающимся в агонии конем, на груди лежал оглушенный (или уже мертвый) болгарский катафракт, и, когда волна латников накатилась на него, Сергей был совершенно беспомощен...

* * *

Пчёлко очнулся от боли в боку. Застонал, дернулся...

– Ишь ты, живой... – сказал кто-то. Рус, судя по выговору.

– Добей его, Угорь, – сказал другой. Тоже рус.

Пчёлко, он лежал на животе, лицом в землю, дернулся еще раз, но перевернуться не смог, потому что рус надавил ему на спину.

– Не-е... – ответил тот, кого назвали Угрем. – Воевода добивать не велел. – Рус возился со шнуровкой панциря. Каждое движение отзывалось болью в боку и голове Пчёлки. – Добивать не буду, а бронь возьму. Бронь воевода Серегей брать не запретил.

– А я саблю возьму, – сказал второй, отвязывая Пчёлкины ножны. – Сабля у него добрая. Вишь, камня на рукояти.

Первый тем временем снял с Пчёлки панцирь.

– А может, все ж таки добить? – спросил второй. – Вишь, у него весь поддоспешник в крови. Всё одно умрет, чё бедняге мучиться?

– Не надо... – прохрипел Пчёлко. – Не надо добивать... Я воеводе вашему... Серегею... родич...

Произнося эту ложь, Пчёлко думал не о своей жизни: умри он, и хозяйка его, Людомила Межицкая, останется совсем одна... Эх, зря он все-таки встал под знамена Сурсувула. Негодный из Сурсувула полководец...

Сильные руки подхватили Пчёлку, перевернули. У болгарина от боли потемнело в глазах, а когда зрение вернулось, он увидел над собой двух русов: одного постарше, усатого, второго – совсем молодого, с гладким лицом.

– Ну-ка повтори, что сказал! – потребовал молодой.

– Я воеводе вашему Серегею – родич, – повторил Пчёлко, борясь с болью и тошнотой, держась лишь осознанием того, что его жизнь нужна Людомиле.

– Да ну? – насмешливо произнес молодой. – Слышал, Угорь? Ну-ка расскажи, какой он, воевода Серегей?

– Большой, – сказал Пчёлко. – Повыше меня на голову и в плечах пяди на две пошире. Лицо круглое, волос светлый, ходит, как рысь крадется...

– Всё правильно, – согласился тот, что постарше.

– ...Только родичей у него тут нет! – перебил младший. – Все знают: воевода пришел из кривской земли.

– Жена у него есть, – с усилием выдавил Пчёлко. – Сладислава... И брат у нее... У вас его Мышатой зовут... Я им родич... Я – Пчёлко Радович... Скажите воеводе... Он знает...

Лицо руса он теперь видел сквозь розовую дымку – только общий контур.

– Ну-ка, Угорь, бери его, – сказал молодой. – На моего коня сажаем...

Пчёлку подхватили и усадили на лошадь. От боли он на некоторое время впал в беспамятство. Очнувшись, уткнувшись лицом в жесткую гриву. Лошадь под ним двигалась шагом. Молодой рус придерживал Пчёлку за пояс, чтоб тот не свалился.

– Терпи, болгарин, – сказал он. – Коли не соврал да не помрешь, саблю я тебе отдам. Негоже гридню родичей батьки своего обирать.

Пчёлке повезло. Лекарь русов так ему и сказал: повезло. Меч усатого руса вошел неглубоко – застрял в зазоре панциря, а рану тканью залепило, так что и кровью Пчёлко не истек. Бронь попорчена, на шлеме – вмятина, на голове – шишка, в боку – дырка. Но живой. Лекарь рану почистил, залепил целебной кашицей, напоил целебным отваром. Уложили Пчёлку рядом с ранеными русами. Молодой рус по имени Зван сказал Пчёлке:

– Спи пока. Воевода Серегей вдогонку за вашими поскакал. Вернется – скажу о тебе.

Глава четвертая

Были сборы недолги...

Духарева выручили фемные катафракты Калокира. Высадившиеся выше по течению всадники патрикия в бою не участвовали, но сразу двинулись к Доростолу. Хитрый патрикий решил: может, удастся войти в город под видом своих – ведь болгарские катафракты экипированы по образцу византийских.

Не получилось. Вернее, Калокир не рискнул присоединиться к болгарской коннице, втекавшей в ворота. А присоединился бы – что толку? С полутысячей – против нескольких тысяч Сурсувула. Знал бы патрикий, что в одном из возков, въезжавших в ворота Доростола, находится сам кесарь Петр, увезенный телохранителями с поля боя, возможно, и рискнул бы...

Но Калокир не знал. Поэтому он подождал, пока отступающее воинство пройдет по дороге (тысяч пять копий насчитал), да и двинулся в обратную сторону...

...И поспел как раз к началу атаки болгарского арьергарда.

И оказались болгарские катафракты сами в точно таком же положении, что и немногим ранее – русы. Конечно, херсонитов было поменьше, и были они и не столичными, а фемными всадниками, но всё равно херсонесские ромеи были обучены намного лучше скороспелой болгарской конницы. Да и ударили они в спину увязшей в русских порядках болгарской тысяче.

В общем, когда Духарева извлекли из кучи мертвых тел, битва была закончена и практически все болгары перебиты. Но дело свое они сделали: удержали погоню и дали возможность Сурсувула беспрепятственно уйти в Доростол.

В лагере русов Пчёлко провел пятнадцать дней. Воевода Сергей его признал и поведение своих гридней одобрил. Уехал болгарин, когда стало ясно, что рана начала подживать. Отпустили Пчёлку беспрепятственно. Более того, дали коня и вернули саблю: гридень Зван сдержал обещание. Еще Пчёлке дали медную бляху, на которой была оттиснута печать великого князя киевского. Эту бляху надлежало показывать при встрече с русами и их союзниками: уграми и печенегам. Бляху Пчёлке добыл воевода Сергей.

– Хозяйку свою береги, – сказал он на прощанье. – Я приеду – проверю.

– Приезжай, – без особого восторга сказал Пчёлко. – Людомила рада будет.

Эх, будь Сергей простым варягом, поехал бы с Пчёлкой в Межич. Крепко зацепила его болгарская боярышня.

Нельзя. Он – воевода. У него дружина, обязательства перед великим князем...

Через три дня, частью – сушей, частью – по Дунаю, войско Святослава подошло к Доростолу. С первого взгляда было ясно, что войти в этот город будет нелегко. Широкая дорога упиралась в могучие ворота. Естественно, запертые. Из высоких привратных башен русов тут же поприветствовали каменными гостинцами. Пришлось остановиться на подобающем расстоянии. То же – и флоту. Крепостная стена подступала к самому берегу, и орудия на ней метали снаряды на полкилометра.

В общем, проблема.

Еще одна проблема – копченые. Дисциплины никакой. Разбежались по окрестностям, как крысы по помойке. И для угров дурной пример. Печенег грабят, и этим тоже хочется. А уж армию кормить при таких союзниках – задача сложнейшая. Придут Святославовы фуражиры в деревеньку, а вместо деревеньки – пепелище да разлагающиеся трупы смердов. Или проявит Святослав милосердие, пленников отпустит – так копченые большую часть переймут, обдерут да зарежут.

Прежде чем брать Доростол, следовало навести порядок в собственном войске.

Хитроумный Свенельд придумал: первым делом надо копченых между собой поссорить. Племена Хапон и Воротолмат особой вражды друг к другу не питали. Но когда хан Кошту узнал, что хан Гюйче получил подарок от болгарского кесаря, – обиделся хан Кошту. Почему Гюйче дали, а ему – нет?

А Гюйче Свенельд намекнул: мол, хочет киевский князь землю близ Доростола хану Кошту подарить. Тогда сады и поля окрестные могут ему на прокорм достаться.

Не факт, что можно было удержать печенегов от безобразий даже и на собственной земле. Но чтобы на ней разбойничал кто-то другой – ну уж нет! Ханы копченых моментально перегрызлись.

«Пришлось» Святославу их мирить. Он их и помирил – отправил в глубокий рейд: в направлении болгарской столицы – подальше от дунайского побережья.

Пока русское войско сидело под стенами Доростола и решало проблему союзников, в голове Духарева созрела интересная мысль, которую он и изложил своему князю.

Мысль была такова. Духарев берет сотню гридней из своей дружины, переодевает их катафрактами (трофейных броней хватало с избытком) и совершает разведывательный поход по тылам противника. Надо понять, что в стране творится. Может, пока они тут сидят, кесарь Петр еще одно войско собирает?

Святославу идея понравилась. А вот то, что воевода намерен самолично возглавить разведотряд, великий князь не одобрил. Но Сергей проявил настойчивость – и Святослав уступил. Правда, у Духарева сложилось мнение, что разговор о будущем рейде еще не закончен. Что-то такое мелькнуло в глазах Святослава... креативное.

К походу Духарев готовился тщательно. Взяв за основу Велимову охранную сотню, дополнил ее лучшими разведчиками, в числе которых оказались Зван и Угорь. Еще Духарев привлек одного из сопровождавших войско маркитантов, киевлянина по прозвищу Плешок. Посулил купчику представить его своему названному брату и родичу Мышате. В понятиях века, в котором был рожден Духарев, это было эквивалентно обещанию рекомендовать владельца уличного ларька председателю правления крупного банка. Плешок был нужен. Молодой оборотистый купчик уже бывал в Болгарии и имел кое-какие связи. Эх, сюда бы самого Мышату-Момчила...

Но Сладин братец был далеко. Полгода как отбыл в Западную Европу. Духарев подозревал: не просто так, а с поручением от княгини Ольги к германскому императору Оттону.

Был еще один человек, на которого Духарев положил глаз: младший командир-катафрактарий Дементий.

С этим парнем Духарев познакомился недавно. Дементий был одним из тех, кто извлекал Духарева из-под убитой лошади, а потом навестил в «госпитальном» шатре: узнать, как здоровье.

Духарев считался среди русов третьим по значению воеводой, и практичный грек решил, что знакомство может оказаться полезным.

А Духарев, в свою очередь, решил, что ему может быть полезен Дементий, который, до того как стать фемным катафрактом, шесть лет служил в Преславе, в гвардии кесаря Петра. Но чтобы заполучить Дементия, нужно было договориться с Калокиром.

В отличие от русов и степняков, предпочитавших ночевать в шатрах, а то и вовсе под открытым небом, ромеи любили иметь над головой деревянную или хотя бы соломенную крышу. Поэтому катафракты встали лагерем не в поле, а заняли деревеньку километром ниже по течению от Доростола. Обустроились основательно. Окружили деревню рвом и невысоким частоколом, сооружение которого стоило местным жителям большей части хлебов и

сараев. Зато это был первый населенный пункт в окрестностях Преславы, который не покинули жители. На территорию, занятую херсонесскими катафрактами, не совались ни Хапон, ни Воротолмат, ни другие копченые.

Калокир принял Духарева радушно. Раньше их отношения были несколько напряженными. Калокир претендовал на лучшее место за столом Святослава, а на лучших местах уже сидели другие, в частности Духарев. Вдобавок с начала похода и до последнего времени воевода был неизменно удачливее и успешнее патрикия. Но, после эпизода на доростольском тракте Калокир стал относиться к Духареву заметно теплее. Сергей уже не раз замечал, что спасший чужую шкуру испытывает к спасенному даже большую привязанность, чем хозяин шкуры – к своему спасителю.

– Как себя чувствуешь, воевода? Присаживайся.

Патрикий Калокир двигался мягко и плавно, и русские слова выговаривал тоже мягко и плавно. О таких говорили: мягко стелет...

– С твоей и Божьей помощью – лучше, чем могло быть, – по-ромейски ответил Духарев.

– Вина? – тоже по-ромейски предложил Калокир.

– Не откажусь.

Слуга наполнил кубки.

– В Мисии вина немногим хуже наших, – заметил Калокир.

Духарев не стал уточнять, имелась ли в виду продукция византийских или крымских виноделов.

– У меня к тебе просьба, патрикий...

– Это так по-варяжски: сразу – к делу, – Калокир засмеялся. – Ладно, выкладывай свою просьбу.

– Отдай мне на пару недель опциона Дементия, того, что служил в гвардии Петра.

– Зачем он тебе? – осведомился Калокир.

– Собираю компанию для небольшой прогулки.

– Разведка? – Калокир приподнял бровь. – Великий князь не доверяет разведчикам-печенегам?

– Как можно доверять печенегам? – удивился Духарев. – Впрочем, это была моя идея. Мне, благородный патрикий, скучно сидеть на одном месте, а здесь, под стенами Доростола, чует мое сердце, придется сидеть долго.

– Твое сердце, храбрый воевода, ошибается. Ставлю фунт серебра, что мы войдем в Доростол не позже чем через двадцать дней.

– Принимаю, – ответил Духарев. – Уверен, нашим машинам минимум два месяца придется возиться с этими стенами.

– Не в стенах крепость – в их защитниках, – произнес Калокир. – А защитники Доростола не станут особенно упираться, если великий князь пообещает обойтись с ними милосердно.

– Но в Доростоле – Петр! – воскликнул Духарев. – И патриарх!

– Кесаря Петра в Доростоле нет, – с удовольствием сообщил Калокир. – И дворец патриарха болгарского тоже лишился хозяина. Они, скорее всего, уже в Преславе.

Вот так сюрприз!

– Уверен?

– У империи здесь немало доверенных людей. Я знаю кое-кого из них.

Ну да, естественно.

– Кесаря Петра увезли в Преславу, – сообщил Калокир. – Кесарь болен. С ним случился удар, что неудивительно для человека его возраста. Сурсувул – с ним. И патриарх. Церковную казну они тоже увезли. Но все это было сделано втайне. Люди в Доростоле думают, что

кесарь и патриарх – с ними. Когда они обнаружат, что покинуты, то, скорее всего, откроют ворота сами.

– Святослав знает?

– Еще нет. Ты – первый, кому я рассказал.

Калокир был очень доволен. Всю дорогу они с воеводой соревновались: у кого лучше шпионы. Этот этап соревнования Калокир, безусловно, выиграл.

– Где мой фунт серебра? – поинтересовался он.

– Доростол еще не взят.

– Ты мне не веришь?

– Верю. Просто напоминаю условия спора.

– Если тебя убьют мисийцы, кто заплатит мне выигрыш?

– Дай мне Дементия – и вероятность того, что меня убьют, станет меньше.

– Вероятность – меньше? – не понял патрикий. – Говори лучше на языке русов. Твой ромейский не очень хорош.

– Дай мне Дементия – и тогда я скорее верну тебе долг.

– Дам, – кивнул Калокир. – Если он согласится.

Дементий согласился.

– Ты мне должен! – напомнил Калокир.

– Должен, – признал Духарев.

Разумеется, речь шла не только о таком пустяке, как фунт серебра. И Сергея вполне устраивало, что это он должен патрикию, а не наоборот. Ромеи склонны избавляться от тех, кому должны, но своих должников берегут. Иначе с кого потом долги получать?

У Калокира, имеющего выходы на византийскую «разведсеть» здесь, в Булгарии, куча возможностей нагадить воеводе Серегею.

Утром следующего дня малая дружина Духарева покинула окрестности Доростола. Воинам предстояло пройти не одну сотню километров по вражеской территории. И никто, включая самого воеводу, не имел представления, каким путем они двинутся. Зато воевода знал, где будет конец маршрута. В Преславе.

Прошлым вечером у Духарева состоялся приватный разговор с великим князем.

Глава пятая

Тайный посол великого князя

Богатая страна – Булгария, бывшая провинция Римской империи. Не второй, Восточной, называемой Византией, а первой, Великой, той, что была – от Британии до Африки.

Была. Новые ромеи, восточные, со столицей в Константинополе, помельче. Но тоже – империя. И тоже хотели бы сделать Булгарию-Мисию своей провинцией. И план у императора Никифора был толковый. Сокрушить армию болгарского царя мечами киевского князя Святослава. И «расплатиться» за эти мечи болгарской же территорией: придунайскими землями.

«Разделим Булгарию пополам», – устами своего посла Калокира предложил константинопольский кесарь.

Придунайские земли – жирный кусок. Тучные пашни, торговые пути, старые, но крепкие цитадели... Которые еще предстоит взять. Но покорителю Итиля и Саркела такая задача – по силам. Никифор знал, что Святослав согласится. Он неплохо изучил великого князя россов. И стратегом император Никифор тоже был неплохим. Понимал, что занять эти земли Святославу будет намного легче, чем удержать. Слишком далеко они от его вотчины, той, где – корни, питающие силу россов.

Кесарь Никифор не собирался отдавать половину Булгарии Святославу. Он был намерен взять ее целиком. Пусть россы и болгары обескровят друг друга, а потом придет в Булгарию ромейское войско и «замирят» противников. И станет Булгария византийской провинцией. А если россы не захотят убраться, то имперский флот войдет в Дунай и в наказание сожжет корабли варваров. И тогда уж император подпишет с катархонтом Сфендославом такой договор, какой пожелает. А станет упорствовать Сфендослав, так договор можно и с каким-нибудь другим варваром подписать.

Таким был план кесаря Никифора, но у патрикия Калокира имелись собственные планы, поэтому он и выложил весь замысел императора Святославу. Тот не удивился. И так ясно, что ромеи блюдут договоры только до тех пор, пока противник силен. Также неудивительно. Так же и нурманы поступают, и многие другие. Не исключая и самого Святослава. А как иначе? Ну да, подписывая уложение, стороны непременно призывают в свидетели богов. Каждый – своих. А свои боги, ясное дело, не станут сердиться, если чужих богов и тех, кто им поклоняется, немного потеснят.

У Святослава тоже был собственный план. Которым он и поделился со своим воеводой, прежде чем отправить того в рейд.

План Святослава был – под стать планам ромейского императора. Обустроиться на дунайских берегах: в Доростоле, в Переяславце и прочих болгарских крепостях и ждать, пока ромейский кесарь заплатит обещанную денежку. Если не заплатит, двинуться дальше, занять Булгарию, по возможности мирно, может быть, даже оставив болгарскому кесарю малую толику власти, затем пройти через перевалы в империю и взять во Фракии и Македонии то, что недоплатил император. А там, если Калокир не соврал и у него действительно есть сильные друзья в Константинополе, очень может быть, что Святославу удастся сделать то, что не удалось Олегу. Войти в ворота Града Кесарей. Не силой, конечно. Силой такую цитадель не взять. Но есть одна идея...

– Ты хочешь посадить Калокира на византийский трон? – спросил Духарев.

Святослав усмехнулся, поскреб заросший щетиной затылок (бриться великому князю было некогда), сказал:

– Хакан хузарский, хакан болгарский, хакан ромейский... Мне нравится, как это звучит. Калокир мой младший побратим. Я сделаю его императором ромеев, и тогда император ромеев станет моим младшим братом.

Духарев мог бы возразить. Даже если всё выйдет так, как хочет Святослав, вряд ли Калокир захочет быть вассалом киевского княжества. Повелитель Восточной Римской империи Калокир – это совсем не тот человек, что патрикий Калокир.

Но говорить об этом Святославу не стоит. Бессмысленно. Поэтому Сергей спросил только:

– А если Никифор заплатит, ты ведь тоже нападешь на ромеев?

– Ромеи воюют золотом, – сказал великий князь киевский. – Чем меньше у них останется золота, тем легче будет согнуть их под колено. Но воевать с булгарами я не хочу. Кесарь Петр – слаб и болен. Сурсувула здешние бояре ненавидят. У этой земли нет хозяина. Я возьму ее и сделаю сильной.

– Тогда уйми копченых, – посоветовал Духарев. – Пока они не выжгли половину Булгарии.

– Я уйму их, когда Преслава откроет мне ворота, – сказал Святослав. – Чем больше будут ненавидеть печенегов, тем больше будут любить меня. А копченые мне нужны. Они пойдут со мной во Фракию. А ты... – Святослав понизил голос, чтобы его не слышал никто, даже доверенные гридни стражи, – ...ты должен найти главного жреца булгар и встретиться с ним. Вы оба поклоняетесь Христу, вам легче будет договориться.

– Калокир тоже христианин, – заметил Духарев.

– Калокир – ромей.

Ну да, Святослав прав: византийское духовенство и духовенство болгарское никогда не ладили.

– Хорошо, – сказал Духарев. – Я встречу с болгарским патриархом. Если сумею.

– Ты сможешь, – сказал великий князь. – Не помню такого, чтоб воевода Серегей что-то хотел – и не смог.

Вышли утром. В доспехах катафракт, но двуоконь. И луки степные тоже не прятали.

Страшная вещь – степные луки. Спустя два с половиной века монгольские тумены с блеском продемонстрируют превосходство степного оружия и степной тактики над оружием и тактикой европейскими. Но уже в веке десятом воин-степняк из своего составного лука показывал результаты получше, чем много позже – шервудские разбойнички Робина Гуда.

«Формальным лидером» своей переодетой дружины Духарев назначил Дементия, пожалуй, единственного в его отряде, выглядевшего настоящим катафрактом. В остальных, не исключая и самого Духарева, наметанный глаз тут же признал бы ряженых. Одной «высокой» степной посадки хватило бы. Оставалось надеяться, что «наметанных» глаз в Булгарии нынче было не так уж много. Очень жалел Духарев, что отпустил Пчёлку. Вот бы кто пригодился. И катафракт со стажем, и болгарин природный...

– Что смурной, батько? – поинтересовался Йонах, поравнявшись с воеводой.

Духарев недовольно покосился на парня, но фамильярность стерпел. Хузарин. Что с него возьмешь? У них там по жизни – никакой субординации. Каждый в потенциале считает себя хаканом. Потому-то последние итильские хаканы и предпочитали византийских иудеев их хузарским единоверцам... За что и поплатились.

Глава шестая

Политика и стратегия в десятом веке

Ромей Калокир выиграл свой спор с варягом Серегеем.

Доростол пал. Вернее, сдался.

Город, способный выдержать многомесячную осаду, сам открыл ворота завоевателям. Правда, в обмен на обещание, что грабежей не будет.

Святослав слово сдержал. Городскую старшину, которая и приняла решение открыть ворота, никто и пальцем не тронул. Не обидели и тех, кто победнее. Хакан русов занял дворец патриарха, принял уверения в верности, попиrowал денек и отбыл покорять другие крепости. В Доростоле остался гарнизон: четыре большие сотни из гридней полоцкого князя под предводительством духаревского друга Устаха. С горожанами завоеватели обращались вежливо, сверх назначенного кормления ничего не требовали и даже поучили маленько сунувшихся в Доростол печенегов, после чего те отправились озоровать в другое место. Правда, в городе немного изменились законы и судья: судил теперь тысяцкий Устах. Судил строго и не по закону кесаря, а по варяжской правде. Зато взятки не брал, только виру.

Честность Святослава окупилась. Многие болгарские города и городки, узнав, что киевский князь держит слово, и не уверенные в своей способности отразить русов, последовали примеру Доростола. Придунайские крепости сдавались одна за другой. Они стояли, пока вокруг вилась легкая степная конница, а когда подходило главное войско русов с осадными машинами – сами открывали ворота. Будь в Булгарии крепкий кесарь, может, и поупирались бы, а так...

Воеводы уговаривали Святослава скорее идти на Преславу, но, вопреки собственному обычаю стремительных бросков и внезапных ударов, великий князь киевский не спешил. Занимал приречные крепости, организовал нечто вроде ставки в дунайском Переяславце, городке, к которому сходились многие торговые пути. Выжидал.

А между тем вся Булгария лежала перед русами как печеный лебедь на блюде. Бери и ешь.

Воеводы и союзные князья удивлялись. Пытались узнать, почему Святослав медлит. Но великий князь киевский отмалчивался. И всё больше времени проводил с патрикием Калокиром.

А через некоторое время кое-что выяснилось. На красивой ромейской галере к Святославу прибыли посланцы византийского кесаря Никифора Фоки.

О чем послы говорили с великим князем, неизвестно. Но после их отбытия Святослав призвал двух воевод – Икмора и Щенкеля черниговского, велел поднять десять тысяч гридней и быстрым маршем идти к Преславе.

– Вы должны быть в Преславе раньше царевичей Бориса и Романа, сыновей Петра.

– Никифор их отпустил? – спросил Икмор.

Всем компетентным лицам было известно, что царевичей держат при императорском дворе в качестве заложников.

– Отпустил.

Плохая новость. Сейчас в Булгарии – безвластие. К Сурсувулу доверия нет. Кесарь Петр – на смертном одре. Но его сын Борис – законный наследник. Вокруг него могут сплотиться враги русов.

Впрочем, разделять и властвовать – это как раз в духе византийской политики. А вот зачем сообщать русам об этой явно враждебной акции?

– Это что, послы ромейские тебе сказали? – удивился Икмор.

– Послы-то как раз помалкивали, – ответил Святослав. – Но у Калокира среди посольских надежный человек имеется. От него и узнали.

– Что еще сообщил «надежный человек»? – спросил Икмор. – Как у кесаря ромейского дела в Азии?

– В Азии – хорошо. Там у него сильный воевода – Иоанн Цимисхий.

– Это плохо, – заметил Икмор.

– ...зато в Константинополе дела нехороши. Голодно в Константинополе. И недовольство среди смердов. Да и бояре ромейские ропщут от поборов кесарских. И всё равно, говорят, казна кесарская пуста.

– А вот это уже хорошо, – одобрил Икмор.

– ...но о казне послы сказали, – уточнил Святослав. – Мол, обнищали. Потому никак не может кесарь ромейский по достоинству меня одарить. А вот человек Калокира говорит: кесаревичам болгарским золото в дорогу нашлось. И жены для них нашлись – кесаревны ромейские, – Святослав недобро усмехнулся.

Воеводам неведомо, но князь знал: Ольга хотела для Ярополка невесту-кесаревну, – и ей было отказано.

– Большое войско с царевичами идет? – поинтересовался Икмор.

– Не думаю, что большое. Но Преславу оборонить – хватит.

– Да, Преслава – сильная крепость, – согласился Икмор. – Я так понял, княже: нам надо осадить город и не пропустить в него царевичей, верно?

– Нет, не верно! Ты как меня слушаешь? – сердито произнес Святослав. – Я сказал: войти в Преславу раньше царевичей!

– Не получится, – Икмор покачал головой. – Я преславские стены видел. Только воев погубим. Прости, батька, но я своих гридней с ровного поля на преславские стены не погоню. Надо в правильную осаду вставать. Пока машины подтянем, пока соберем, пока бреши пробьем или ворота завалим... Так и до осени можно провозиться.

– Верно воевода говорит! – тут же подпел Щенкель. – Не осилить нам, княже. Вон под Саркелом ты всем войском сколько дней простоял? А тут мы вдвоем. Преслава-то покрепче Саркела будет.

– Доростол – тоже, – напомнил Святослав. – Да и не вдвоем вы будете, а втроем.

– А третий – кто?

– Серегей.

– Разве он вернулся? – удивился Щенкель. – Дружина его здесь, а самого воеводу я с новолуния не видел.

– Я его в Преславу послал, – сказал Святослав.

– Как это? – удивился Щенкель. – Одного, что ли, без дружины?

Щенкель был отличным воином, но вне битвы соображал довольно медленно.

А Икмор уже сделал выводы.

– Пошли, черниговец, – сказал он. – Будет обидно, если Серегей откроет ворота Преславы, а нас поблизости не окажется. Тогда нам уже не десять, а тридцать тысяч воев потребуется.

Святослав не стал разубеждать Икмора. Он тоже бывал в Преславе и знал: если горожане затворят ворота, даже пятидесяти тысяч воев будет недостаточно, чтобы порушить ее стены. Когда отец кесаря Петра Симеон перенес сюда столицу, он знал, что делал. Но Святослав очень надеялся, что воевода Серегей справится. А не справится, тогда – плохо. Без Преславы в Булгарии Святославу не удержаться. Подмоги ждать неоткуда. До киевских земель – далеко. Печенеги ненадежны. Хузары? Тем самым обороняться надо. Угры и иные союзники разбегутся, как только почуют приближение сильного врага. А сильный враг – не замедлит. Войдут ромейские галеры с огненным боем в Дунай – и всё. Перекроют реку, пожгут флот. Эх, было бы у Святослава года два-три в запасе, чтобы укрепиться на завоеванном, освоить хузарские и иные земли, поставить крепости, укрепить хотя бы днепровские волокы... Но как было отказаться от

такого случая? Ромеи сами отдали ему Булгарию, своего союзника. Сами! Перун молниерукий! Святослав просто не мог отказаться от такого куска. Знал, что это может оказаться ловушкой. Знал! Ведал, что одной своей силой ему Булгарию не удержать. Доростол сдался – повезло. Придунайские крепости тоже – двойная удача. Но если устоит Преслава, тогда Плиска, Диния, Констанца и другие крупные болгарские города последуют ее примеру. Каждый замок станет оплотом сопротивления. Святослав не сможет держать их в осаде. Воинов не хватит. И всё, конец. Кесарю ромейскому останется лишь подождать, пока русы увязнут покрепче, а потом перекрыть Дунай и ждать, когда Святослав и Борис порвут друг друга. И кто бы из них ни победил, приз достанется ромеям.

Вот почему Святославу так нужна покоренная Булгария. Послушная Булгария. Союзник. Вот почему так много зависит от того, сумеет ли воевода Серегей договориться с патриархом. Если не сумеет, единственный разумный выход для русов – покинуть Булгарию. Но Святослав знал, что этот выход не для него. Великий князь киевский не умел отступать. Не успел научиться.

Было еще кое-что, о чем Святослав не сказал своим ближникам. Послы Никифора привезли Святославу вместо обещанного золота «щедрое» предложение: взять себе завоеванные князем придунайские земли. Константинополь милостиво разрешал Святославу взять то, что и так ему принадлежит. А за это великий князь должен был ограничить свою экспансию.

– Ты знаешь своего кесаря, – сказал Святослав Калокиру. – Он что, настолько глуп, что надеется остановить меня куском исписанного пергамента? Где обещанное золото?

– Никифор не глуп, – возразил патрикий. – Он не думает, что пергамент может тебя остановить. Но он и не думает, что тебя остановит золото. Только – *ожидание золота*. Я знаю его мысли. Ты не получишь золота, князь. Ведь полученное золото ты превратишь в новых воинов – и обратишь их против Константинополя, разве нет?

Святослав молча смотрел на ромея. Тот был безусловно прав.

Если бы Никифор прислал золото, он показал бы свою слабость. Его ход – хитрее. Полоска придунайских земель слишком далека от Киева. И слишком мала, чтобы стать новым оплотом русов.

– Ты силен, – сказал Калокир. – Тебе незачем выполнять условия вашего договора. Потому он дал золото твоим врагам. Они сделают тебя слабее, и тогда уже у Никифора не будет необходимости выполнять обещания. А кусок пергамента, как ты верно заметил, это всего лишь кусок пергамента.

– Ты одобряешь действия своего кесаря, или мне это только показалось? – прищурившись, осведомился великий князь.

– Конечно, – не раздумывая, ответил патрикий. – На его месте любой поступил бы так же.

– И ты?

– И я. Но, мой князь, ты же знаешь, что я больше не служу Никифору. Я лишь делаю вид, что ему служу. Помоги мне войти победителем в Золотую Палату – и я отдам тебе Булгарию.

– Булгарию я возьму сам, – проворчал Святослав. – А потом приду к вам, ромеям, и возьму то, что не захотел заплатить мне Никифор. И сделаю то, что не сделал Олег Вещий, – возьму вашу столицу.

– Это невозможно, мой князь, – возразил Калокир. – Константинополь – это не Доростол. И даже не Преслава, которую ты, заметь, пока еще не взял. Константинополь неприступен. Взять его измором тоже невозможно. Ты можешь подойти к его стенам, как это сделал ваш князь Олег. Ты можешь разграбить окрестности и сжечь предместья. Но потом придут войска из провинций, придет из Азии Иоанн Цимисхий, этот маленький бог войны – и уничтожит тебя и твою рать. Константинополь не победить так, как ты привык побеждать.

– Предложи другое, – Святослав знал, что Калокир ничего не говорит понапрасну. – Или ты уже не хочешь стать кесарем?

– Хочу. И стану. Если ты, мой князь, мне поможешь.

– Говори!

Калокир некоторое время колебался: стоит ли открывать карты? Если удача изменит Святославу, то патрикий всегда может вернуться обратно к своим. Его примут с честью, ведь всё будет выглядеть так, будто он, как и задумано Никифором, заманил архонта русов в ловушку.

Но если Никифор как-то узнает о той ловушке, которую готовил сам Калокир...

Но откуда ему узнать? Вряд ли Святослав поведает ему об этом. А Святославу рассказать необходимо. Без него весь замысел Калокира не стоит и медяка.

– Хорошо, – сказал патрикий. – Я расскажу тебе, как взять Константинополь. Сначала всё будет так, как ты сказал. Мы... То есть ты возьмешь Болгарию и перевалы в горах. Потом спустишься во Фракию и возьмешь там всё, что пожелаешь.

Никифор не сможет тебе препятствовать, потому что у него не так много верных войск, и они нужны ему в Константинополе, где его не любят.

А потом в Константинополь отправлюсь я в сопровождении тысячи твоих доверенных воинов и скажу, что ты готов заключить мир. Но заключать его ты желаешь лично с кесарем Никифором.

Никифор не трус. Он согласится. Но оставит меня в Константинополе, заложником. Меня и твоих воинов.

Но я – из партии Никифора. Среди его сторонников много моих друзей. И друзей твоей матери Ольги, которая не зря столько лет раздавала им серебро, подаренное ей императором. И еще есть дворцовая гвардия, которая служит честно, но почти наполовину состоит из таких же воинов-северян, какие служат тебе. И еще – народ, который ненавидит Никифора из-за жадности его брата Льва. Стоит Никифору покинуть город, как верные нам люди тотчас разожгут пламя бунта. Конечно, гвардии ничего не стоит разогнать толпу черни. Но если во главе черни встанут твои воины, а гвардейцам будет обещано увеличение жалованья, я уверен, они перейдут на мою сторону. И город станет моим. То есть – нашим, – быстро поправился Калокир, заметив недовольство Святослава. – И если Никифор вернется, его встретят закрытые ворота и неприступные стены. Только он не вернется.

– Почему ты так думаешь? – спросил Святослав.

– Потому что ты его убьешь.

Святослав хотел возразить, но Калокир не дал, продолжал с жаром:

– Ты убьешь его как нарушившего клятву! И заберешь золото, которое он привезет! А когда я стану василевсом Византии, клянусь, ты получишь всё, что пожелаешь.

– Хорошо, – сказал великий князь. – Я подумаю над тем, что ты сказал.

План, предложенный патрикием, ему понравился. Особенно понравилось то, что внутри столицы Византии окажется тысяча русов. Святослав пошлет вместе с ними воеводу Сергея и свая Гуннара Волка. Эти двое терпеть не могут друг друга, но достаточно хитры и изворотливы, чтобы договориться с наемниками кесаря не хуже, чем ромей Калокир.

Калокир – побратим князя. Но он – ромей. И сам только что сказал: ни к чему выполнять обещания, данные слабому. Тысяча верных гридней и по крайней мере столько же гвардейцев – нурманов, данов и русов, подкупленных Калокиром, – и у нового василевса Византии не будет причин не выполнить обещанное.

– Я подумаю, – сказал Святослав. – Пока то, что ты говоришь, мне нравится. – Но сначала нам надо взять Преславу.

– Ты ее возмешь! – заверил Калокир. – Ты сравнешь с землей ее стены и разберешь по камешкам дворец болгарских кесарей! Пусть внуки Симеона возвращаются в Плиску.²

– Спасибо за совет, – проворчал Святослав.

У него были совсем другие планы относительно нынешней столицы Булгарии.

² Столица Булгарии была перенесена царем Симеоном из г. Плиски в Преславу в 893 году.

Глава седьмая

Великая Преслава

Когда Пчёлко приехал в Преславу, город готовился встретить русов.

В столице уже знали, что Доростол пал. Русов у стен болгарской столицы пока не было. Но их ждали. Печенежские и угорские разъезды шатались по окрестностям, грабили и безобразничали. Отпор им дать было некому: в боярских дружинах многие полегли на дунайском берегу. Оставшиеся держались ближе к замкам и к воинским подвигам не стремились, так что разбойники чувствовали себя привольно.

Но захватить Преславу не пытались. Понимали – не по зубам.

По дороге домой Пчёлко на степняков вдосталь насмотрелся. Его, впрочем, не трогали. Если останавливали – показывал Святославу печатку, и от него тут же отставали.

В Преславе Пчёлко задержался. Остановился у родича. Решил: день-два надо отлежаться. От долгой скачки открылась рана.

Родич поделился слухами. Говорят, ромейский кесарь дал сыновьям Петра большое войско, и теперь они придут и разобьют русов.

Пчёлко в это не верил. За то время, что провел он в русском лагере, Пчёлко успел не только узнать о том, что это ромейский кесарь нанял русов, чтобы напали на Булгарию, но и увидеть ромейских катафрактов в войске Святослава. Сомнительно, чтобы кесарь Никифор сам от своих оборонялся.

Были и хорошие новости: по словам родича, отряды степняков дальше Преславы не заходили, так что до Межича война еще не добралась. Зато ходили слухи о том, что вновь подняла голову богумильская ересь. Схизматики открыто бродят по стране, смущая смердов диявольскими посулами. Собираются ватагами, предаются всевозможным грехам, совокупляются без разбора, надевши личины, чтоб неведомо было, кто с кем был. И многим это прельстительно. А тем, кто побогаче, любо, что призывают богумилы отдельно от государства жить и податей не платить: мол, нечего воинов кормить, которые тебя же потом и угнетать будут.

В общем, зараза. Пчёлко знал, как ее лечить. Мечом. Года два назад Пчёлко зарубил одного такого ересиарха, и больше в Межич богумилы не совались.

На четвертый день родич принес новость: войско киевского князя – в трех поприщах от Преславы.

Столица готовилась к обороне, но как-то вяло. Зачем? Кабы это был просто налет степняков (пришли и ушли), или хотя бы оставалась надежда на подмогу – дрались бы. Но помощи ждать – неоткуда. Царь Петр при смерти. Кесаревич Борис? Допустим, он действительно идет к Преславе с ромейским войском... Так ведь еще неизвестно, кто хуже – русы или ромеи.

Некоторые пытались бежать... Почти всех переняли степняки. Часть беглецов вернулась обратно. В одном исподнем. Большинство сгинуло.

Возглавить оборону было некому. Сильных бояр в столице не было – все разбежались по своим замкам. Городская старшина в Великой Преславе всегда была на побегушках у царя. Из весомых людей в столице остался только патриарх. Он разок-другой в соборе призвал столичных жителей дать отпор язычникам. Но народ воодушевить не сумел. Да и не пытался.

На пятый день Пчёлко покинул столицу.

А через полпоприща его остановили конные. Угры.

Пчёлко сразу показал бляху с печаткой.

– Куда едешь? – на языке русов спросили его.

– С поручением от воеводы Серегея, – привычно ответил Пчёлко.

– Езжай.

Воеводу Серегея знали и угры, и печенеги.

Правда, ни угры, ни печенег не ведали, что как раз в это время воевода Сергеем во главе сотни гридней, ряженных катафрактми, въехал в ворота болгарской столицы. Никто не заподозрил в них врагов, наоборот – приветствовал и с радостью. Подмога.

От Доростола до Преславы – семь поприщ. Духаревский отряд прошел их двуоконь за четыре дня. Могли бы и быстрее, но пару раз задержались, натолкнувшись на большие отряды печенегов. Объяснить им, что, мол, «свои», было невозможно. Завидев «врага», степняки с ходу осыпали его стрелами. И очень удивлялись, когда «враг» отвечал тем же, причем с ничуть не меньшим искусством. Удивлялись и убирались восвояси. Вокруг было полно «дичи», которая не отстреливалась. Тем не менее в этих стычках было потеряно время, и Духарев с Пчёлкой разминувшись.

Преслава выглядела очень основательно. Сергей прикинул, что толщина ее стен – более двух метров.³ Перед такой твердыней пасовали даже тяжелые стенобитные орудия.

Сергей со своими гриднями въехал в северные ворота столицы. С такими воротами осаждающим придется повозиться. Толстенные створки из дуба, сплошь зашитые в железо снаружи и укрепленные металлом изнутри, снабженные тремя литыми засовами, а также простым, но надежным механизмом, позволяющим дюжине стражей, как только в пределах видимости появится вражеское войско, в считанные секунды затворить и укрепить створы так, что потом можно будет сутками колотить в них «бараньей головой»⁴ без всякой надежды на успех.

Надо полагать, что южные ворота северным не уступят.

Но для обороны одних стен мало. Нужны еще те, кто будет их защищать. Нужно войско, готовое драться, спаянное дисциплиной, уверенное в собственной силе. Такое войско было. У ворот, внутри и снаружи, отиралось изрядное количество вооруженных болгар. Но количество в данном случае намного превосходило качество. При виде ряженой конницы те, кому было положено бдить, тут же бросили это занятие и радостно приветствовали псевдокатафрактов. Дай воевода команду – и духаревские гридни запросто вырежут всех: и снаружи, и внутри – в башнях и караулке. А уж тогда останутся сущие пустяки: занять привратные башни, посадить у бойниц лучников и бить сверху всякого, вознамерившегося закрыть ворота. Минут тридцать точно можно продержаться. Этого вполне достаточно, чтобы войско вошло в город.

Возможно, Духареву именно так и придется поступить. Но если его миссия удастся – захватывать ворота не придется. Их Святославу откроют сами преславские жители.

Духарев диву давался, насколько просто всё получилось. Въехали в Преславу, как в родной Киев. А дальше? Сотня всадников – это не купец с полудюжиной слуг. Надо где-то разместиться. Причем так, чтобы не вызвать подозрения. У Духарева в Преславе был дом. Хороший дом, с конюшнями и прочими служебными помещениями. Строго говоря, дом этот принадлежал не Сергею, а его братцу Мышате. Но слуги Духарева знали, впустили бы старшего брата хозяина без звука. А что потом? Известно же, что Духарев – воевода русов. Русы – враги. Когда вражеский воевода, причем не один, а с сотней воинов, открыто появляется во вражеском городе, это может вызвать нежелательные эксцессы. При всём нынешнем безвластии в столице имелись стража, гарнизон, дворцовый гарнизон, офицеры, этими войсками командующие, плюс городская старшина, ополчение... Пусть каждый духаревский гридь стоит пяти стражников, но если кто-то из преславских командиров пожелает воеводу упразднить, у него есть очень серьезные шансы на успех.

Другой вариант – сразу двинуть в резиденцию патриарха. Но и тут могут возникнуть те же проблемы. Пусть формально Духарев – посол Святослава. Но в город он проник не как посол,

³ Как показали археологические раскопки, высота внешней стены Преславы составляла 3,35 м. По гребню ее шла платформа с частоколом.

⁴ «Баранья голова» – наконечник тарана.

а как лазутчик. А если договориться с патриархом не получится? Тогда прощай, аварийный план захвата ворот изнутри. Вопрос будет стоять так: удастся ли Сергею со товарищи выехать из города столь же легко, как въехали?

Выход предложил бывший опцион Дементий. Выход настолько дерзкий, что Духарев сразу понял: должно получиться.

Они ехали бок о бок по уведящей от ворот улочке, когда Дементий прервал размышления воеводы словами:

– Куда едем? Во дворец?

– Во дворец? Зачем? – Сергею потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить сказанное.

– Если мы катафракты царя Петра, значит, жить должны в царских казармах, – спокойно, будто само собой разумеющееся, произнес опцион.

– И нас вот так запросто пустят во дворец? – усомнился Духарев.

– А почему нас должны не пустить? – удивился Дементий. – Сейчас по Бугарии таких отрядов, как наш, небось десятки бродят.

– Но мы же не бугары.

– Ну и что? Готов поставить динарий, что в царской гвардии половина чужеземцев.

– Ну ладно, впустят нас во дворец, а дальше что?

– Предоставь это мне, – уверенно ответил опцион. – И не забудь про динарий.

– Гривна, – сказал Духарев. – Если всё устроишь.

Дементий ухмыльнулся.

– Пожалуй, я не вернусь к Калокиру, – заметил он. – Тебе служить выгоднее. Возьмешь меня десятником, воевода?

– Возьму, – обещал Духарев. – Если всё устроишь.

На территорию царского дворца попасть оказалось еще проще, чем в город.

– Откуда? – спросил стражник, когда, распахив конями сновавшую туда-сюда публику, русы подъехали к воротам.

Вопрос был задан из чистого любопытства. Стражник даже не удосужился от стены отклеиться.

– Из-под Доростола, – честно ответил Дементий.

– Ну и как там, под Доростолом?

– Мы уходили – стоял.

– А я слышал – сдали Доростол.

– Может, и сдали, – не стал спорить Дементий и въехал внутрь.

Найти свободную казарму тоже оказалось несложно – пустовала большая часть помещений.

Во дворце Дементий ориентировался прекрасно.

– Главное – держитесь спокойно и уверенно, – сказал он. – С остальным я разберусь.

И ушел.

– Не предаст? – на всякий случай спросил Велим.

– Нет, – ответил Духарев.

Больше вопросов не было. Ждать русы умели. Спокойствия и уверенности в каждом – на троих хватило бы. Даже такие молодые шустрые гридни, как Йонах, умели при необходимости ждать и помалкивать. Впрочем, самых шустрых Духарев отправил в конюшни – к лошадям.

Дементий отсутствовал около часа и явился в сопровождении толстого и важного человека с письменными принадлежностями. Человечек старательно пересчитал всех, записал Духарева, представившегося опционом Константином, помощником Дементия. И ушел.

Дементий остался.

– Был у старшего, – сообщил он. – Поставили нас на довольствие. Два дня отдыха, потом в караул, как все. Я спорить не стал – это обычный порядок. Я правильно поступил?

– Правильно.

– А теперь хорошо бы пожрать раздобыть, – подал голос Велим. – И лошадям овса.

– Всё будет, – сказал Дементий. – Обедать пойдем по распорядку, а за овсом – хоть сейчас. Я же сказал – нас на довольствие поставили.

«Сделаю его сотником, – подумал Духарев. – Никак не меньше. Толковый парень».

Знать бы, что всё будет так просто, можно было бы и тысячу с собой взять. Эх! Войти в Преславу с тысячей – и столица стала бы русской без всяких переговоров. Хотя лучше все-таки договориться.

Вечером Духарев, взяв с собой Дементия и еще нескольких дружинников-христиан, отправился в преславский собор, на богослужение.

Собор был полон, ибо, во-первых, служил сам патриарх, во-вторых, ничто так не обращает мысли человека к Богу, как предчувствие грядущих бед.

К Духареву с товарищами, вернее, к их доспехам, преславцы отнеслись с уважением – пропустили поближе к алтарю.

Служба велась на болгарском языке, и на Сергея будто чем-то родным пахнуло.

Духарев давно не был в церкви. С Киева. Впрочем, он и в Киеве бывал в храме только по большим праздникам и то лишь из уважения к жене. Но в Киеве прочно обосновались византийские попы. Эти служили на греческом и на латыни. Почужому. А здесь, когда услышал: «Отче наш иже еси на небесех...» – до самого сердца пробрало. А думалось, что забыл.

Отстоял – как на облаке. Даже запомнил, зачем пришел.

Опомнился, когда всё закончилось. Осталась лишь сладкая пустота в голове и груди да терпкий вкус вина – на языке.

Опомнился. Огляделся. Свои были рядом, глядели выжидающе. Духарев сделал знак: следуйте за мной, и двинулся в выходу.

Успел в самый последний момент. Патриарх уже сел в возок. Духарев заметил, что кузов его не крепился жестко на раме, а был подвешен на цепях – патриарх любил комфорт. Когда Духарев бесцеремонно сунулся внутрь возка, то обнаружил еще большую роскошь: шелковую обивку, подушки. И, естественно, самого патриарха.

Нахальное вторжение, естественно, не привело патриарха в восторг, а его свита даже выразила желание Духарева из возка выкинуть.

Но Дементий злобно рявкнул:

– Приказ кесаря!

И патриаршья стража отступила.

Дальше – легче. Удачно, что в возке патриарх был один. И он с первых слов сообразил, что к чему. Более того, узнал Духарева, которого видел на аудиенции у кесаря Петра.

Через минуту воевода враждебной армии, публично благословленный высшим иерархом болгарской церкви, стоял посреди улицы, а роскошный возок патриарха, сопровождаемый свитой и охраной, катил прочь.

Первый этап «обмена верительными грамотами» прошел успешно. Встреча была назначена.

Патриарх болгарский согласился принять тайного посланца Святослава, однако – с великой осторожностью. Потребовал, чтоб прибыл тот ночью, без охраны, самое большее – с двумя спутниками. И не на патриарший двор, а в дом, принадлежавший кому-то из патриарших родичей. Духарев согласился.

С собой взял Дементия и Звана. Последнего выбрал из прочих-gridней потому, что сообразителен, и потому, что христианин. Еще в Киеве Звана крестили и нарекли Елпидифором. Впрочем, для всех, кроме священника, он так и остался Званом.

В ночной Преславе было беспокойно. В узеньких переулках роились тени. Поступи ночной стражи не было слышно, зато время от времени ночь прорезал чей-нибудь вопль. Однажды такие вопли раздались совсем близко – как раз на улочке, в которую русы собирались сворачивать. Дементий замешкался, но Духарев велел ехать.

Когда они свернули, крики уже стихли. Зловещие тени копошились на мостовой. При появлении всадников тени замерли, а потом дружно кинулись в атаку. Надо полагать, не разглядели, с кем имеют дело. А может, и разглядели, но позарились на коней. Нынче в Преславе за ледащую лошаденку давали, как в прежние времена – за кровного жеребца. В любом случае, преславские тати сделали неправильный выбор. Двоим-троим повезло – удалось убежать. Остальным – нет. Зван хотел спешиться – помочь жертвам разбоя, но Духарев удержал. Нынче не до благотворительности. Если миссия воеводы окажется успешной, то Святославы-gridни отучат ночных разбойничков озоровать на подконтрольной Киеву территории. Духарев сам за этим проследит, потому что в любой войне страшнее всего не битвы, пусть самые кровопролитные, а вот такой беспредел, неизбежно войной порождаемый. Когда на дорогах – изувеченные трупы, до которых никому нет дела, кроме волков и одичавших собак. Когда потерявшие родителей дети грызутся из-за куса лепешки и жарят человечину на углях сгоревших изб.

Патриарху болгарскому тоже недешево обошелся минувший год. Когда Духарев видел его в последний раз на приеме у кесаря, глава болгарской Церкви был куда толще и румяней.

– Дни кесаря Петра сочтены, – не стал таить правды патриарх. – Но у него есть законные сыновья. И скоро они будут здесь. Не Божье это дело – отдавать болгарский престол язычнику.

– Великий князь киевский сам возьмет, что посчитает нужным, – возразил Духарев. – Но он не бешеный волк, чтобы без толку лить кровь. Пусть престол достанется сыну кесаря Петра, мой князь не возражает.

– А что – взамен? – без всякой дипломатии, напрямик спросил патриарх.

Наверное, старик устал хитрить. Или понял, что с русским воеводой лучше говорить именно так – без намеков и экивоков.

– Взамен кесарь признает моего князя отцом и господином, позволит ему и его воинам жить в царском дворце, будет выплачивать ему посильную дань и поддерживать во всех начинаниях, как мирных, так и военных.

– Но ведь тогда кесарем Болгарии будет не сын Петра, а твой князь! – воскликнул патриарх.

– Великий князь, – поправил Духарев. – А кесарем Болгарии будет тот, кого помажет на царство патриарх болгарский. Разве нет?

– Нет. Это неприемлемые условия. Твой князь и его воины – во дворце кесаря? Это неприемлемо.

Духарев не стал огорчать патриарха известием, что воины великого князя уже в царском дворце.

– Ваша Святость полагает, – сказал Сергей, – у Болгарии есть лучший выбор?

– Выбор всегда есть.

– Согласен. Но будет ли лучше для Болгарии, если дворец кесаря болгарского будет принадлежать только великому князю Святославу?

– Тогда будет война, – вздохнул патриарх. – И лишь Богу известно, чем она закончится.

– Это верно, – вновь согласился Духарев. – Победить нас можно. Если призвать в союзники ромеев. Собственно, это уже почти произошло. Насколько мне известно, царевици Борис и Роман уже ведут сюда ромеев. Если они победят, это будет не победа Преславы, а победа

Константинополя. И кто бы из сыновей Петра ни вошел на престол, править он будет по указке ромеев.

– Чем христиане-ромеев хуже язычника Святослава?

Духарев посмотрел в глаза патриарха и подумал, что это глаза политика, а не божьего человека. И еще подумал, что тот младше, чем кажется.

– У нас одна речь, святой владыка, – произнес он неторопливо. – Булгарский священник крестил нашу великую княгиню...

– ...Но у нее теперь ромейский исповедник, – перебил патриарх.

– Это временно. Так же, как временным является язычество великого князя киевского.

Разве не благо в глазах Господа – крестить Русь?

– Но твой князь – язычник. Он никогда не позволит.

– Почему ты так думаешь, святой владыка? Его сын и наследник Ярополк – христианин. Его жена – христианка. Среди его дружины тоже есть христиане. Я, его доверенный воевода, христианин. Еще вспомни: чуть более века прошло с тех пор, как монах Мефодий крестил вашего царя Бориса.

Сергею вспомнился услышанный несколько лет назад рассказ одного из византийских попов, обретавшихся в Киеве.

То, что болгарского царя крестил византийский монах, пусть даже и болгарин по происхождению, по мнению византийского священника, навсегда ставило болгарскую церковь в зависимость от византийской. Правда, тот же монах не скрыл, что уже через год после крещения болгарский царь переметнулся под крыло Ватикана, с которым уже тогда у византийских патриархов никакой дружбы не было. Впрочем, спустя некоторое время царь отвернулся от Рима и обратился к Константинополю.

И не исполнение обрядов было тому причиной. С позволения Папы Римского в Булгарии церковная служба велась на болгарском языке, хотя Ватикан, в отличие от Константинополя, признавал в качестве языка богослужений исключительно латынь.

Политика. Чистая политика. Но если высший иерарх западной католической церкви – Папа, то высший иерарх восточной – император Византии. Вряд ли болгарский патриарх жаждет кланяться императору Никифору.

– Подумай, святой владыка, – продолжал Духарев. – У нас, считай, один язык, одна азбука... – Тут он немного покривил душой: в окружении Святослава мало кто умел читать и писать. – Если Киев и Преслава объединятся, разве сможет Константинополь повелевать высшим иерархом Булгарии... и Киева?

– А кто поручится, что все будет, как ты сказал, воевода? – спросил патриарх.

«Клюнул, – подумал Сергей. – Надо дожимать».

– Всё в руках Божьих, – торжественно изрек Духарев и перекрестился. – Если Господу угоден наш союз, нужны ли нам иные поручительства?

– Чего хочет твой князь от меня, воевода? – нахмутив седые брови, спросил патриарх.

– Открой нам ворота Преславы, – сказал Духарев. – Вели прекратить братоубийственную войну.

– Братоубийственную? – Патриарх фыркнул. – С чего ты взял, что пачинаки и угры, разоряющие Булгарию, – наши братья?

– Я имел в виду не печенегов, а нас, русов, – заметил Духарев.

– Язычников!

– **Пока** – язычников! – с нажимом произнес Духарев. – И потом, святой владыка, разве прекратить войну, уменьшить жертвы – не праведное дело? Сам знаешь: Святослав всё равно войдет в Преславу. Если миром – будет, как в Доростоле. Если силой – город станет добычей победителей. Ты один можешь оберечь Великую Преславу! – воскликнул Духарев с пафосом.

– Что я могу... – пробормотал патриарх. – Я – всего лишь служитель Божий, лишенный светской власти...

«Он согласен», – сообразил Духарев.

– Царь болгарский – при смерти, его военачальники – в ничтожестве. Сейчас высшее лицо в Бугарии – ты, святой владыка! Скажи свое слово – и тебе повинуются!

Патриарх опустил глаза. Но Духарев увидел, как порозовели его щеки. Сергей верно угадал: для этого человека власть была изрядным искушением.

Но он, разумеется, был отнюдь не дурак.

– Скажи, воевода, если Преслава откроет ворота твоему князю, останутся ли в неприкосновенности Храмы Господни?

– Да, святой Владыка. Клянусь тебе в этом от имени моего князя! – торжественно провозгласил Духарев и перекрестился.

– Преслава откроет ворота великому князю Святославу, – с важностью произнес патриарх.

Союз был заключен.

Теперь оставалось только послать гонцов Святославу.

Посланцы, Зван и Угорь, покинули город ранним утром. Но до Доростола не доехали. Через сутки их переняли дозоры соединенного войска Икмора и Щенкеля.

Еще через два дня войско русов, на неделю опередив царевичей Бориса и Романа, подошло к северным воротам Преславы. Ворота были закрыты. Но снаружи, в окружении клира и многочисленной паствы, стоял сам патриарх болгарский.

Трудно сказать, удалось бы патриарху и нескольким сотням болгар остановить десяти тысячную рать. Но рядом с патриархом стоял воевода киевский Серегей. И когда он поднял руку – войско остановилось.

Переговоры оказались недолгими. Примерно через час ворота Преславы, как и было обещано, открылись. Тысяча воинов во главе с воеводой Щенкелем вошла в болгарскую столицу, проследовала к царской резиденции и заняла дворец болгарских кесарей. Стража дворца никаких препятствий им не чинила. Неудивительно, поскольку караул в этот день несли гридни Духарева.

Остальные восемь тысяч русов во главе с воеводой Икмором встали лагерем у стен болгарской столицы, чтобы встретить возвращающихся из Византии царевичей и сопровождающий их ромейский экспедиционный корпус.

А Духарев уехал.

«Вручив» Икмору и Щенкелю «ключи» от Преславы, Сергей взял пять сотен гридней и поскакал в Межич.

* * *

От Преславы до Межича конному – день пути. Если торопиться. А если не спешить – три. Пчёлко не спешил. Берег себя и коня. Ночевал на постоянных дворах, а последний раз – в замке соседа-болярина. Рассказал о том, как побили болгар русы. Болярин опечалился. Был он на восемнадцать лет старше Пчёлки. Ходил с царем Симеоном на ромеев, помнил времена, когда Бугария была в силе, не то что теперь. Было у болярина трое сыновей и дочь. Сыны полегли в гражданской войне, дочь жила с мужем в его замке близ Плиски. Словом, доживал старый свой век в одиночестве. Но дружину держал, хоть и небольшую, но крепкую. Непокойно в округе. Шатались по Бугарии банды еретиков-богумилов. Смущали простой люд, не гнушались грабежами и убийствами. Словом, пришла беда – отворяй ворота.

То есть в данном случае – наоборот. Держи ворота на запоре, а меч – наготове.

В пределы господства Межицкого Пчёлко въехал на четвертый день путешествия. Готовился к худшему, но здесь, слава Богу, почти ничего не изменилось.

Ехал Пчёлко по родной дороге, отвечал на приветствия встречающих и тех, кто работал на земле: кому кивком, кому взмахом руки, кому – словом теплым. Ехал Пчёлко – и сердце его радовалось. Даже рана меньше болела.

А в усадьбе его уже встречали – кто-то успел принести хозяйке добрую весть.

Подбежали дворовые, подставили руки, приняли коня. Пчёлко их будто не видел: только на боярышню свою и смотрел. Хотел слово приветственное сказать, да ком в горле набух – не выговорить. Хотел поклониться, да не успел. Боярышня сама его обняла.

– Разбили нас... – только и смог выговорить Пчёлко. – Разбили нас русы...

– Ох, Пчёлко! Как я рада!

Не важно ей сейчас, что побили войско кесаря. И глаза у нее не потому мокрые.

Пчёлко шевельнулся неловко, боль куснула бок. Должно быть, и на лице эта боль тоже отразилась.

– Ты ранен?

– Пустяк. Задело чуток. В дороге растревожил, вот и побаливает немножко.

– Знаю я твое «немножко»! – сердито сказала боярышня. Слезы ее мгновенно высохли. – Совсем себя не бережешь! Разве так можно?

Час спустя Пчёлко, умытый, сытый, перевязанный, возмещал потерю крови красным, как кровь, вином и рассказывал госпоже межицкой о том, как побили армию кесаря, что было дальше с ним самим, и что творится на земле болгарской. Чем больше рассказывал, тем мрачнее становилось милое личико боярышни. Лишь однажды оживилась она – когда упомянул Пчёлко о воеводе Сергее.

Очень вовремя вернулся домой Пчёлко. Ни на день не опоздал. Да только зря. Наверное, вина было выпито на радостях слишком много. Или это дорога вымотала последние силы воина. Но, когда подступила ночью беда к воротам межицкой усадьбы, не встал у нее на пути воин Пчёлко с саблей в руке. Не услышал, как сначала зашлись лаем, а потом захлебнулись хрипом сторожевые псы. Не слышал, как тихо повернулись на смазанных петлях ворота и хлынули во двор чужие. И как побили немногих, осмелившихся встать на пути чужаков. Спал Пчёлко. Так крепко спал, что не услышал даже, как закричала боярышня. Даже когда толкнули его в горло острием собственной сабли, не проснулся воин Пчёлко, лишь похрапывать перестал.

Глава восьмая

Богумилы

– Что личико воротишь, госпожа межицкая? Страшно узреть деяния диавола?

– Вонь от тебя, еретик – как отдохлого пса... – Людомила хотела бросить эти слова в закрытое маской лицо «праведного» дерзко и яростно, но голос подвел, сорвался, вместо звонкой отповеди получился жалкий сип.

– А-ха-ха! – развеселился «праведный». – Нам хула не в диковинку, боярышня. То бес в тебе вопиет, да куда ему против истины! Ничего, беса сего мы обрачаем. Седмицы не минет – будешь мне гузно лизать!

«Праведный» ростом мал, под рваной рубахой – тощее тельце, борода жидкая, пегая... Но голос зычный, как у воеводы.

– Быть тебе на колу... – шепчет Людомила.

Ей больно, страшно и стыдно: простоволосой, босой, в одном исподнем – перед озверевшим мужичьем.

Врасплох взяли Межич богумилы. В дом вошли без звука (впустил кто-то из челяди), Людомилу прямо из постели вытащили... Выволокли во двор, а там уже полно чужих. Шарят по клетям, по сараям, тащат добычу... У стены конюшни – кучей трупы. Даже холстом не прикрыли, еретики проклятые. А посреди всего этого содома, в отцовом, вытасченном из дома кресле – «праведный». Сидит важно, как боярин. Рядом – две девки незнакомые. Одна чашку с маслом оливковым держит, другая – с вином. «Праведный» жрет хлеб. Мяса они не употребляют: по их еретической вере животных убивать не положено. Даже курицу задушить – грех. Курицу – грех, а человека, значит, можно...

Жрет «праведный». Хлеб то в вино окунет, то в масло. Глаза в прорезях маски – хитрые, подлые...

– Что, госпожа межицкая, ужель не рада?

Держат Людомилу два мужика. Рожи брезгливые, словно не боярышню держат, а лягуху склизкую. Ну да, по их вере женщина – сосуд с грехом.

А невинная девица – особая мерзость, потому что – видимость лживой чистоты. А по их вере все в жизни – грязь. И грязь эта должна быть явной. Потому велят еретикам их дьяволы-пастыри в самом грязном паскудстве жить: в блюде сатанинском, в грехе свальном. Ибо чем грязнее человек, тем слабее его связь с этим миром, а душа, следовательно, ближе к освобождению.

Все это Людомила от другого «праведного» слышала. Успел кое-что наболтать, отродье бесово, пока Пчёлко его не зарубил.

Пчёлко, Пчёлко... Где ты, верный друг?

Людомила поглядывала на трупы у конюшни, пытаясь разглядеть: нет ли среди мертвых тела ее управляющего. Если Пчёлко сумел уйти, есть надежда...

– Хлопа своего высматриваешь? – догадался «праведный». – Там не ищи. Не пришел еще твой холоп к освобождению. И долг будет его путь. Эй, кликните Пижму, пусть тащит сюда нечистую тварь, управляющего здешнего!

– Нету Пижмы, праведный, – пробасил один из державших Людомилу. – Он в село побег: межицких истинной вере учить. Дозволь, я притащу убийца?

– Тащи, – разрешил «праведный». – А ты, боярышня, на меня так глазами не зыркай. Лучше истине внимай: ибо близится последний час мира сего. Сокрушается ныне ваш мир руками Бога не ведающих русов... А-а-а, вот и холоп твой!

Людомила обернулась и вскрикнула от ужаса. Связанного, окровавленного Пчёлку мужик-еретик тащил за собой, подцепив крюком за ребро!

– Пчёлко! – Людомила бросилась к нему, но второй мужик поймал ее за край рубахи и отшвырнул назад с такой силой, что Людомила, не устояв, упала на землю, к ногам «праведного».

«Праведный» захихикал.

– Прости, госпожа, – хрипло произнес Пчёлко.

Он не мог прийти ей на помощь. Не мог.

Людомила поднялась. Сжала в кулаке край рубашки, порванной мужиком.

– За что? – спросила она тихо.

– За то! – «Праведный» поднял палец, устремил на Пчёлку. – Помнишь меня, человеке?

– Пусть черт вас разбирает, богумилов, под личинами вашими! – с ненавистью выплюнул Пчёлко.

– А я тебя помню, – мягко, почти ласково произнес богумил. – Ты ведь братьев моих убил.

– Я убил, еретик! Отправил прямоком в ад! К вашему... – Тут мужик, что привел Пчёлку, дернул за крюк, и речь пресеклась стоном.

– Эх, не ведаете вы истины! – сокрушенно изрек «праведный», окунул лопот в вино, откусил. – Эх, не ведаете. А истина же в том, что мир сей первенцем божьим Сатаниилом сотворен. Им же и души людские осквернены, ибо не может чистая душа в теле зловонном обитать, а покинет его, не медля, и к сонму ангелов присоединится. Не в том освобождение, чтобы смерть принять. – Голос еретика постепенно набирал силу. Богумил уже не говорил – гремел:

– Мало в смерти проку, ибо оскверненная душа вновь в плоть же воплотится. В том освобождение, чтобы осознала душа, что плоть грешная – зло есть. Чтобы возненавидела душа плоть, возненавидела скверну ее и, свободы возжелав от мук телесных и от мерзости, коя и есть сей сосуд дьявольский, телом именуемый, в лоно господне отошла с радостью и восторгом.

И добавил внезапно, обычным голосом:

– А ты, глупый человек, что совершил? Ты братьев наших с пути праведного опять в пучину воплощений низверг. – «Праведный» погрозил пальцем истерзанному Пчёлке. – Но мы, истину ведающие, зла за зло не творим. – Богумил взял новый кус хлеба, окунул в масло. – Мы вам, заблудшим, поможем и освобождению вашему поспешествуем особо. И потрудимся, чтоб ты, боярышня, сей сосуд скверны, – куском хлеба, с которого капало масло, богумил указал на живот Людомины, – возненавидела пылко, чтобы порвались узы дьявольские и воспарила душа твоя к чистоте и свету. Денно и ночью будем трудиться над сим сосудом я и братья мои, чтобы открылась тебе, боярышня, истина наша: мир сей – есть страдание тяжкое и мерзость, дьяволом порожденная. Верно ль я говорю, брат Педрис?

– Верно, праведный! – Мужик за спиной Людомины громко сглотнул.

– Так веди же боярышню на конюшню, брат мой! – воскликнул еретик. – Да привяжи ее там, как ты умеешь. Но не трогай. Ни сам, ни братья прежде меня ее чтоб не касались! – добавил он строго. – Великая скверна в теле сем, и один лишь я могу ее на себя принять, не искусившись.

– Только посмей, еретик... – бледнея, проговорила Людомила.

– Я убью тебя, пес! – прохрипел Пчёлко, но от слабости – совсем тихо и не страшно.

– Грозись, грозись, – «праведный» захихикал. – Братья мои уж кол для тебя вострят. С кола-то зычней грозить будешь.

Людомилу поволокли к конюшне. В одиночку Педрису это оказалось не по силам – Людомила сопротивлялась отчаянно. Пришлось кликнуть помощников. Кучей – справились. Притащили со двора широкую скамью. Опрокинули на нее боярышню, привязали ремнями от упряжи. Когда вязали, ругали ее, плевались, словом, делали вид, что ничего, кроме омерзения,

не вызывает у них полунагая девушка. Но жадно шарившие по ее телу руки еретиков и оттопыривающиеся спереди портки говорили о другом.

Однако нарушить приказ старшего еретики не посмели. Привязали и ушли.

А недолгое время спустя в конюшню появился «праведный».

Глава девятая

«Зачистка»

Духарев въехал на пригорок и увидел Межич: кучку хаток, до которых оставалось километра полтора. Уже отсюда было видно, что село чистое, не сожженное. И уголья вокруг – тоже в порядке. Не затронула война Межич, что не может не радовать. Усадьбы отсюда не видать, но можно надеяться, что и она в порядке.

– Может, дозор послать, батька? – предложил Велим, увидев, что воевода замешкался.

– Без надобности, – качнул головой Духарев. – Ныне все болгарские вои по замкам попрятались, а в здешнем господарстве замка нет. Его покойный кесарь разрушил.

– Кесарь? Зачем? – заинтересовался любознательный Йонах.

– Боярин здешний в мятеже против него участвовал, вот зачем, – ответил Духарев, вспоминая рассказ Момчила-Мышаты.

– Ну так убил бы боярина. А замок зачем рушить? Отдал бы кому-нибудь из верных!

– Тебя не спросили! – фыркнул Велим.

– Так глупо же! – воскликнул Йонах. – Сейчас бы крепость была, пригодилась бы!

– Ну да, – усмехнулся Велим. – Не с кем было хакану болгарскому посоветоваться. Не родился тогда еще хузарин Йонах. А то б непременно за тобой послал: не подскажешь ли, Йонашек, как мне царством управлять, а то я не ведаю.

– И подсказал бы! – запальчиво объявил Йонах. – Может, тогда б он Булгарией правил, а не на смертном одре лежал!

Теперь засмеялся не только Велим, но и все, кто слышал, включая и Духарева.

– Слышь, батько, а может, все-таки послать дозор? – снова предложил Велим.

Духарев поглядел на своего сотника: вид у того был озабоченный.

– Что тебе не нравится? – спросил воевода.

– На поля глянь, что видишь?

Духарев посмотрел.

– Вижу: хороший урожай будет, если ратники не стопчут, – сказал он.

– Не о том я. Смердов на полях нет. И виноградник справа – там тоже никого. Не нравится мне это. Вдруг засада?

Духарев задумался. В словах сотника был резон. Духарев пожалел, что взял с собой только два десятка гридней. Не хотелось лишнего внимания привлекать...

– Посылай, – разрешил он. – Пусть разведуют. И в селцо, и в усадьбу. Усадьба вон там, в четверти поприща.

Дозор вернулся быстро.

– Нету там воев, – доложил старший. – Гульба у них там.

– Какая еще гульба? – удивился Духарев.

– Похоже, Волоха чествуют. Бабы там с мужиками... Мужики в личинах... Ну, как у нас на капищах.

– Волоха? – вот теперь Духарев действительно удивился. В отличие от киевских языческих земель Булгария была почти сплошь христианской. А уж покойный кесарь – вообще святоша был, каких поискать. Трудно поверить, что под боком у столицы смердам позволено устраивать языческие игрища. Хотя с поправкой на войну...

– Сам видел? – строго спросил воевода.

– Сам, – кивнул гридень. – Мы к ним шагов на сто подобралась. Смердов голых в личинах видели, а воев с оружием – нет.

«Может, все-таки – ловушка? – подумал Духарев. – Спрятать в домах ратников, а смердов заставить праздник изображать – для притупления бдительности... Нет, маловероятно. Это ведь надо заранее знать, что воевода киевский Серегей с малой дружиной в Межич приедет. Хотя... В жизни всякое бывает».

– Сделаем так, – решил он. – Подъедем поближе, потом спешимся, подберемся тихонько да и поглядим, что там за играща.

Так и сделали. Подъехали скрытно, коней оставили в рощице. Подозрения Духарева по мере приближения к деревеньке всё росли, поскольку русам так и не встретилось ни одной живой души. И даже коровы, пасшиеся на лугу, щипали травку сами по себе, без пастуха...

– Вон смотри, батька, каков *игрун*... – шепнул Велим, подтолкнув воеводу.

Игрун и впрямь был колоритен: голый, «удилище» торчком, патлы – торчком, на морде – кожаный намордник, из-под которого борода – тоже торчком. Игрун пристроился к плетню, пустил струю... Гуманный Велим дал ему возможность справить нужду, а потом аккуратно взял за горло и уложил пузом на травку. Игрун трепыхнулся было, но ощутил бодрящее прикосновение железа и притих.

– Глянь, батька, какие знатные письма, – варяг показал на спину пленника.

«Письмена», точно, были знатные. Эдак с полгода назад кто-то весьма качественно обработал мужицкую спину кнутом.

– Личико ему открой, – велел Духарев.

Под маской обнаружилась испуганная рожа типичного болгарского смерда.

– Кто таков? – негромко спросил Духарев.

– Жечка я... – просипел мужик, кося глазом на упершийся в горло Велимов засапожник. – Истинной веры братства праведного Богумила послушник...

– Что он лепечет, батька, ты понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Духарев.

О богумилах он слышал. Сектанты местные. Считают, что мир этот создан дьяволом, а вывод делают такой: долой попов и общественно-полезный труд. Жрать, пока не вытошнит, совокупляться максимально омерзительным способом, и всё, что есть в мире хорошего, по мере сил изгадить. Такой вот активный путь избавления от привязанностей. Еще слышал, что мяса богумилы не едят и животных не режут. Только – людей.

– Сколько ваших в селе? – спросил Духарев.

– То не ведаю, – пролепетал сектант. – Много. С полсотни, может...

– Главный кто?

– П-праведный старец Аззанаил... – Зубы богумила выбивали дробь. – Токо он не в селе – в усадьбе...

– В усадьбе – тоже ваши?

Лицо воеводы стало таким страшным, что сектант и вовсе лишился дара речи, только головой дернул: кивнул.

Духарев задумался на полминуты. Дружинники его тоже ждали. Укрывшись кто где, слушали ор и визг, прикидывали, куда бежать, кого рубить... Если батька отдаст соответствующую команду. А прикажет отступить – отступят так же неслышно и незаметно, как подобрались. Смердов скрадывать – не печенегов в поле брать. Это как после турьих ловитв на коров охотиться.

– Туда глянь, батька! – тронул плечо воеводы глазастый Йонах. – Экое украшение там на воротах. Уверен, что не копченые в селе? Похоже на их забавы...

Духарев глянул. Да уж, на печенегов очень даже похоже. Жуткое зрелище. К воротам вниз головой был прибит человек. Живот у человека был вспорот – все внутренности наружу. Платье его, пропитавшееся кровью и испражнениями, свисало вниз, на голову. Если бы не

серебряный крест, вбитый вершушкой в землю, Сергей и не догадался бы, что замученный человек – священного сана.

Духарев аж зубами заскрипел, сдерживая накотившее бешенство. Сдержал. Превратил ослепляющий гнев в холодную расчетливую ярость. Мысленно поклялся: «Если не дай Бог с Людомилой случилось худое – вырежу всех. А вожаков моим варягам отдам. Пусть поупражняются в технике активного допроса».

Пока Духарев думал, из-за крайней избы выскочила растрепанная баба. За ней – мужик наподобие взятого Велимом: тоже голый и в маске. Баба бежала, вереща, не разбирая дороги... Вдруг споткнулась и шлепнулась в густую траву. Мужик, обрадованный, надал... И тоже шлепнулся. Раз – и нету. Если видел кто из села – ни за что не догадался бы, что не сами они упали, а гридни духаревские помогли.

Воевода никак не мог решить: сразу к усадьбе идти, или сначала «зачистить» село?

Решил: сначала «зачистить». Одно из его главных правил: не оставлять за спиной ни одного дееспособного врага.

– Велим, скажи всем: по сигналу – войти в село и всех, кто в такой дряни, – Духарев тронул мечом маску пленника, – резать. Других не трогать. Разве что сами полезут.

Велим кивнул. Передал ближним дружинникам. Те – дальше. Духарев выжидал, пока приказ обойдет всю цепочку.

– С этим – что? – Велим показал на трясущегося богумила.

– Я же сказал: всех, у кого личины, – буркнул Духарев, вытягивая из ножен оружие: правой – обоюдоострый меч византийскойковки, левой – узкую легкую саблю из темного «дамаска». – Всех! – и завыл по-волчьи, поднимая свою дружину.

Гридни Духарева налетели на «игрунов», как коршуны на курятник. Десятка два конных помчались в обход – перехватить самых шустрых. Остальные – цепью, бегом, от хатки к хатке. Нашинковали дюжины три, потом уже неспешно, тщательно прошлись по избам. Кто в маске – резали, остальных выгоняли наружу, где другие сбивали смердов в гурт, как овец. Потом еще раз прошлись. Прирезали еще пяток спрятавшихся.

Мерзостей богумилы успели натворить немало, но мерзостями русов не удивишь. Те же нурманы, бывает, и похуже творят. Но с нурманами пришлось бы повозиться, а этих... Проще, чем дюжину свиней зарезать. Жаль, семя паршивое из чрев здешних опаскуженных баб и девок обратно не извлечь.

– Чужие среди вас есть? – рявкнул Духарев, возвышаясь конной статуей над перепуганными смердами. – Ну-ка!

Из толпы тут же выпихнули двух мужиков и одну бабу.

– Зачем священника убили? – обманчиво спокойным голосом спросил Духарев.

Богумилы молчали. Чували нехорошее. Правильно чували.

Глава десятая

Искушение «праведного» Аззанаила

– Экие у тебя, боярышня, ножки нежные, – воркует голубем еретик. – Беленькие, беленькие. И ручки еще нежней. Будто у младенчика...

Молчит Людомила. Кусает губы, чтоб не заплакать от ужаса и беспомощности. Не слышит она «праведного», только чувствует, только вздрагивает, когда касается ее кожи сальная борода или влажные пальцы. Неотрывно смотрит Людомила в угол. Там торчит из вороха старого сена черенок серпа. Эх, будь у нее свободны руки...

Но запястья и лодыжки Людомилы привязаны к ножкам скамьи. И еще один ремень перехватывает поперек живота.

– ...Мерзость, мерзость, искушение Сатаниилово, – бормочет «праведный», забираясь рукой боярышне под рубаху...

Людомила смотрит на серп. Ничего в жизни она не желала более, чем сейчас – ощутить в ладони потрескавшуюся деревянную рукоятку...

– Праведный! – в конюшню вваливается еретик в маске.

– Чего тебе? – недовольно бурчит «праведный».

– Дак это... – богумил глядит на распяленную на лавке боярышню, шумно сглатывает слюну. – Чичас станем убивца на кол натягивать. Будешь ему грехи отпускать, праведный Аззанаил, или мы сами?

– Буду, – «праведный» с кряхтением поднимается.

Во дворе тесно от народа. Тут не только богумилы, но и кое-кто из межицкой челяди. Большинство пришли из страха перед еретиками, но есть и такие, кому Пчёлкина смерть – в радость. Пчёлко – управляющий честный, но строгий. Никому поблажек не дает. Не давал...

Старого воина держат двое. Один – крюком за ребро, другой – руками. Чтоб от слабости не упал.

«Праведный» совершает благословляющий жест. Делает знак, чтоб подтащили Пчёлку поближе.

– Нравится тебе сей предмет? – осведомляется еретик, оглаживая гладко оструганный кол. – Видишь, на нем и перекладина есть, чтоб тебе сидеть удобней было. Сейчас лошадку приведем и посадим тебя на шесток, как кочета. Вот тогда и покукарекаешь!

Губы Пчёлки шевелется.

Аззанаил прислушивается... И вдруг с размаху бьет старого воина по лицу.

– Не поможет тебе Сатанаил, проклятый грешник! – кричит он. – Педрис, давай за лошадью! Живо! А вы, братья, снимайте с него портки!

Сразу несколько богумилов бросаются к Пчёлке, но тут сверху раздается громкий вопль. Орет еретик, посланный на крышу часовни – спиливать с нее крест.

– Праведный! Праведный! Беда! Беда, праведный Аззанаил! Конные! Сюда скачут!

«Праведный» Аззанаил с большой неохотой делает знак своим: мол, повремените пока.

– Ворота затворить! – распоряжается он. – Что за конные? Много?

– Десятка два! – кричит мужик с колокольни. – Оружные, в шлемах.

«Праведный» взбирается на частокол, глядит...

– Русы, – определяет он. – Ты давай пили, – кричит он мужику на колокольне. – Этим до ромейского чина дела нет. Да и мало их. Эй, ты! Скажи братьям: пусть шлемы наденут, что мы здесь в оружейной взяли, да копыа возьмут и наверх поднимутся. Увидят русы, что есть войско в усадьбе, и дальше поскачут.

– А как же братья наши, те, что в Межиче? – беспокоится кто-то. – Оборонить надоть! Ежели русы их – того?

– Значит – того! – сердито говорит «праведный». – Они как раз со стороны села и скачут.

– Оборонить... Ишь, богатырь... – бормочет Аззанаил себе под нос. – Таким, как ты – только сверху чужими копьями грозить, да уповать, что не разглядят снизу, кто это копье держит... Нет, не разглядят, – успокаивает сам себя «праведный» Аззанаил. – Не катафракты ведь, тавроскифы дикие. Эти на лица не смотрят – только на железо...

Слезы градом катились из глаз Людомилы. Ей было очень больно, но плакала она не от боли – от унижения. Она выгнулась так, что привязанная рука едва не вывернулась из сустава. Скамейка под ней тряслась и раскачивалась. Людомила застонала сквозь зубы, рванулась, в самом последнем, запредельном усилии. Скамейка, к которой была привязана Людомила, не устояла, опрокинулась набок. Людомила ткнулась лицом в колкое сено... И вдруг почувствовала, что ее правая рука свободна!

Плечо болело, огнем горели ссадины, но ее маленькая узкая ручка все-таки выскользнула из ремней.

Некоторое время Людомила не шевелилась: переводила дыхание, прислушивалась к шуму снаружи. Нельзя терять времени, напомнила она себе. Проклятый еретик может вернуться в любое мгновение.

Со своего места Людомила не могла видеть ворот конюшни, но очень хорошо видела рукоятку серпа. Дотянуться до нее оказалось не так легко. Но в конце концов ей это удалось. Разрезать ремни было совсем просто. Людомила села и посмотрела на притворенные ворота конюшни. Что происходит снаружи – не понять. Не важно. Людомила встала. Колени дрожали, руки устали так, что отказывались повиноваться. Но отдыхать некогда. Людомила подошла к стойлу. Рыжик, верховой мерин Людомилы, потянулся губами к ее рукам – и фыркнул, не обнаружив лакомства.

Седло осталось дома, но уздечка висела здесь же, на стенке. Людомила потянулась к ней... И услышала, как со скрипом отворяется дверка в воротах конюшни.

Серп! Он остался рядом с опрокинутой скамейкой. Людомила метнулась к нему, но споткнулась и повалилась на землю. Солома смягчила падение. Людомила даже сумела дотянуться до серпа, однако грубый башмак опустился на серп мгновением раньше.

– Глупая зайчиха выпуталась из силка, – насмешливо сказал здоровенный бородатый еретик в кожаной маске. – Скажи мне, зайчиха, успел ли праведный Аззанаил погонять беса?

Глава одиннадцатая

Штурм усадьбы

Русы двигались напрямик, через пшеничное поле. Сначала – по стерне, потом – безжалостно топча тяжелые колосья.

Гридень по прозвищу Дужка, белобрысый полянин из-под Чернигова, сорвал колосок, вздохнул:

– Эх, перестояло жито!

Родители Дужки – смерды из-под Киева. В ратники Дужка пошел, потому что на него, младшего сына, земли не хватило. Повезло парню: способен оказался к воинскому делу, вышел из ополченцев в гридни. Таких в дружине Духарева было только двое. Остальные – потомственные воины или охотники.

– Давай твой меч на серп сменяем! – тут же предложили Дужке.

Черниговец отбрехиваться не стал. Смутился. Можно подумать, и впрямь не прочь к родительской профессии вернуться.

Двое гридней скакали справа и слева от воеводы, держа наготове щиты. Телохранители. Остальные, включая и самого воеводу, как только увидели, что в усадьбе затворяют ворота, взялись за луки. Но не стреляли. Далековато. Только хузарин Йонах азартно выкрикнул:

– Бить, батька?

– Погоди!

Существовала вероятность, что в усадьбе заперлись ее хозяева. Затвориться при виде чужеземных воинов – это нормально.

Грива прищурился, пытаясь разглядеть, что происходит за частоколом... Вроде шлемы поблескивают. И еще на маковке часовни кто-то возится...

– Йонах, человек на башне, что он делает?

– Это который с топором? – Зрение у Йонаха было не хуже, чем у его отца. – Знак твоей веры срубает.

«Ну вот, ситуация и прояснилась», – подумал Духарев. Рубить символ христианской веры мог только враг.

– Сбить его, батька?

– А достанешь?

Вместо ответа Йонах осадил коня и метнул стрелу. И еще одну. Но вопреки ожиданиями Духарева, святотатец не упал, так и сидел на крыше.

– Неужто промахнулся, Йонаше? – насмешливо поинтересовался кто-то из гридней, когда хузарин вновь поравнялся со своими.

– Пыль с глаз сотри! – фыркнул Йонах. – Я ему первой стрелой руку к кресту прибил, а уж второй – в шейку... – И вдруг ойкнул совсем по мальчишески: – Прости, воевода! Не подумал про Бога твоего!

– Не важно, – Духарев, привстав на стременах, считал копыа над частоколом. – Это не Бог, просто дерево...

Однако многовато защитников. Духарев насчитал четыре десятка, а пока считал, еще с десятков прибавилось. Какими бы умелыми ни были русы, а полусотней взять усадьбу при численном равенстве сил вряд ли удастся. Неужели придется в Преславу посылать за подмогой?

Тем временем его отряд проехал несжатый участок. По стерне кони сразу побежали веселей, а всадники, до этого державшиеся плотной группой, разошлись свободней, чтоб не облегчать работу стрелкам с частокола. Рядом с Духаревым остались только телохранители, Велим и, конечно, Йонах.

Но с частокола почему-то не стреляли. Непонятно.

– Крикни, Велим, чтоб ворота открыли, – приказал Духарев. – Именем болгарского кесаря.

Чем черт не шутит? Может, и откроют сдуру...

– Эй, вы, там! – гаркнул сотник. – Открыть ворота! Именем вашего кесаря приказываю! Или всех вырежем!

– Нет у нас кесаря! – тут же заорали в ответ. – Уезжай прочь, рус!

Орал мужик без шлема, но зато в кожаной маске. Богумил, мать его – жаба...

– Уезжай, покуда цел!

– Сбей его, Йонах, – вполголоса приказал Духарев.

Хузарин вскинул лук, метнул стрелку – и голова в наморднике исчезла.

– Попал?

– Не-а, – мотнул головой Йонах. – Глазастый. Успел нырнуть. А эти торчат. Чучела, что ли?

– Вроде того...

Духарев присмотрелся. Воины наверху присели, укрываясь за частоколом. Вернее, они думали, что укрылись. Полморды наружу. Их не только навесом – прямым выстрелом достать можно. И шлемы у них как-то неловко сидят, и копыя торчат под неправильным углом.

– Слышь, Велим, а ведь это не вои, – негромко произнес Духарев. – Такие же смерды, каких мы в селе резали.

– Хочешь – с наскоку? – с сомнением проговорил Велим. – Может и смерды, ты прав. Только кипятком сверху могут и смерды окатить. Частокол – без малого восемь локтей. С ходу не запрыгнешь...

* * *

– Глупая зайчиха хотела убежать, – насмешливо сказал здоровенный бородатый еретик в кожаной маске. – Скажи мне, зайчиха, успел ли праведный Аззанаил погонять беса?

Людмила молчала. У нее как будто уши воском залило. В стойле заржал Рыжик, ударил копытом в стену. Удар она услышала, но глухо, как из-под воды.

– Значит, не успел, – пробормотал еретик.

– Эй, Педрис! – позвали со двора. – Ты чё там застрял? Давай лошадь сюда!

– Сейчас! – крикнул богумил. И Людмиле: – Ты, боярышня, серп-то брось. Не твое это орудие. Твое орудие промеж ног спрятано.

Девушка его не услышала, цеплялась за потрескавшуюся рукоять. Педрос наклонился, несильно толкнул Людмилу в лицо ладонью, вывернул серп из ее пальцев, отбросил подальше.

– Педрос!

– Иду уже! – гаркнул богумил. Поглядел на Людмилу, облизнул мясистые мокрые губы... Поглядел на стойло, потом – снова на Людмилу. Никак не мог решить, что ему больше любо: девку боярскую попользовать или боярского пса на кол натянуть...

Пока думал, снаружи загомонили, «праведный» на кого-то заорал...

Людмила тихонько отползла к стене. Еретик ухмыльнулся. Он выбрал.

В руке у него вдруг оказался широкий мясницкий нож.

– Вязать тебя не буду, – сказал еретик, – некогда. Будешь трепыхаться, нос отрежу.

Свободной рукой он потянул за шнурок, поддерживающий порты.

Порты упали вниз.

– Вона глянь, какой у меня пест есть для твоей ступки.

Людмила не слышала, что он говорит. И на срамную часть, которой похвалялся еретик, она не глядела. Только на нож.

– Давай, зайчиха, подол кверху, ноги врозь! – нетерпеливо прикрикнул еретик. – Сказано тебе – нос отрежу!

И упал на Людомилу.

Вернее – рядом. Страшный нож воткнулся в землю. Еретик содрогнулся раза три и обмяк. Людомила увидела, что из затылка его, между ремашками маски, торчит черен стрелы с тремя черными перьями. И тут еще несколько стрел влетели в конюшню, ударили в бревна, воткнулись в землю в пяди от ноги девушки. Людомила словно проснулась. Схватила нож еретика и бросилась в стойло Рыжика.

– Ну чего там? – спросил Аззанаил.

– Стоят, – ответил ему один из тех, что на стене. – Кабы стрелять не начали, – добавил он с опаской.

– Скифы... – пробормотал, как сплюнул, «праведный». Повернулся к тем, кто держал Пчёлку, оскалился:

– Заснули, грешники? Ну-ка взяли его да... – И, осекшись на полуслове, проворно нырнул под навес. А в следующий миг над головами палачей с визгом пропели стрелы и частой дробью ударили в стену дома. Палачи в испуге присели, выпустили Пчёлку, который был так слаб, что сразу повалился на землю.

Но не все стрелы ушли впустую. Из шести десятков богумилов, взобравшихся на стену, по крайней мере половина полетела вниз. А с дюжину уцелевших попрыгали вниз сами. Остальные не последовали их примеру только потому, что медленнее соображали. Но и эти бросились плашмя на дощатый помост: кто – скуля от страха, кто – бормоча свои богумильские молитвы. Оно, конечно, понятно, что сие скорбное тело есть сосуд грешный, Сатаниилов, однако ж свой это «сосуд», жалко, если его стрела продырявит. А тут еще дикие русы испустили разом такой ужасный вой, что из богумилов последние остатки храбрости выдуло. Из всех, кроме Аззанаила. Этого воем было не напугать. Зато он мигом сообразил: усадьба потеряна. И сразу выкинул из головы и недобитого Пчёлку, и оставшуюся на конюшне Людомилу. Не успела петля первого аркана захлестнуть острый зуб частокола, как хитрый «праведный» сообразил, что делать. Выдернул стрелу из тела убитого сподвижника, содрал маску, вымазал кровью лицо и одежду и быстренько прилег у самой стены. Вовремя. Только устроился, как сверху прыгнул рус. Приземлился в шаге от Аззанаила, глянул мельком – и сразу бросился открывать ворота. А еще один рус остался наверху – с луком наготове. Прикрывал.

Мог бы и не прикрывать. Аззанаилово «воинство» металось по двору, как отара перепуганных овец.

Ворота распахнулись, русы хлынули внутрь, и началась резня. Занятие это для победителей столь увлекательно, что никто не заметил, как за спинами русов «ожил» притулившийся у стены «труп». «Ожил» и осторожно пополз к воротам...

Стрелы больше не летели. Снаружи доносились вопли, лязг железа, мокрый хруст разрубаемой плоти.

Людомила вжалась в дальний уголок стойла. Она не знала, кто на этот раз напал на усадьбу. Очень хотелось верить, что это свои, болгары. Потому что если это дикие язычники, то они ничуть не лучше богумилов. Тоже не пощадят.

Людомила, дрожа, вслушивалась в страшные звуки, ждала... Недолго.

В конюшню вбежали сразу трое. Один помчался к противоположному выходу, второй застыл с луком наготове, третий, с обнаженным клинком, проверил пустые стойла, добрался до Рыжика. Вид у воина был ужасающий: меч в крови, лицо и бронь – тоже забрызганы красным. Рыжик, учуяв кровь, занервничал, попятился, едва не придавив Людомилу, но воин ухватил его

за гриву, пошептал что-то в ухо. Мерин совершенно волшебным образом успокоился, позволил вывести себя из стойла.

Тут-то воин и заметил Людомилу, расхристанную, с ножом в руке...

Заметил и ухмыльнулся.

Ухмылка у него была такая, что Людомила сразу поняла: этот человек опаснее и страшнее любого еретика-богумила. И никакой нож ей точно не поможет. Рука сама собой разжалась, нож упал на солому...

– Вот это правильно, девка, – сказал страшный воин. Речь его звучала по-чужому, но была вполне понятна. – Запомни: меня Званом кличут. Придешь ко мне потом – я тебя ублажу. А ты меня. Только умыться не забудь.

– Я тебя сам ублажу! Мало не покажется!

За спиной первого возник еще один воин. Еще больше и еще страшнее. В шлеме, закрывающем пол-лица и едва не подпирающем потолок конюшни. И первый как-то сразу сник, ступевался.

– Да я так сказал, батька. Мы...

– Кыш! – рыкнул высокий воин, сдвинул шлем на затылок, и только теперь Людомила его узнала.

– Здравствуй, боярышня, – ласково произнес воевода киевский Серегей. – Прости, что не поспел вовремя.

– Здравствуй, воевода... – шепнула Людомила, посмотрела на свои ноги, поцарапанные, еле прикрытые порванной нижней рубашкой, и кровь прилила к ее щекам – от стыда и унижения.

А воевода будто угадал ее мысли.

– Корзно мое, живо! – велел он, не оборачиваясь.

Миг – и ему подали плащ. Дорогой, с шитьем и шелковой гладкой подкладкой.

Людомила и возразить ничего не успела, как воевода завернул ее в этот плащ, подхватил на руки и вынес из конюшни.

Во дворе распоряжались русы. Челядь стаскивала трупы в кучу. С десятков уцелевших еретиков, жалких, трясущихся, сидели на земле.

– Пчёлко... – шепнула Людомила. – Что с ним?

– Жив, – негромко ответил Духарев. – Не тревожься, боярышня. Худшее – позади.

Глава двенадцатая

Короткое военное счастье

Духарев лег спать поздно. Пришлось взять на себя наведение порядка: управляющий Пчёлко лежал в беспамятстве, а Людомилу он просто пожалел: натерпелась девушка.

Распорядился по-военному. Собрал всех смердов, поставил задачу: восстановить порушенное, похоронить мертвых.

Тем временем духаревские варяги рассортировали пленных еретиков. Выявили самых злостных, обработали на предмет получения информации. Те сначала поупирались, но варяжская техника допросов была способна разговорить даже матерых викингов, не говоря уже о хилых болгарских смердах. Через час-полтора еретики просто мечтали поведать хоть что-нибудь, еще не известное «следователям». К сожалению, главной, самой информированной твари, «праведному», удалось удрать. Как выяснилось – уже не в первый раз. Такая вот ловкая дрянь. Зато межицких холопов, открывших еретикам ворота, пленные выдали с ходу. После допроса Духарев распорядился устроить в деревне показательную публичную казнь. Присутствие всех межицких подданных было обязательно. Сам Сергей от участия в мероприятии уклонился, но приказал Велиму сделать всё, чтобы местные жители как следует запомнили, что бывает с последователями учений сатанинского толка.

Ночевали русы, естественно, в усадьбе. Несмотря на то что все порядком устали, посты на ночь Духарев распорядился ставить по-боевому.

Себя назначил старшим предрассветной смены и опочил в полной уверенности, что проснется не раньше, чем через шесть часов.

Но ошибся. Только-только он задремал, как в спальню скользнула светлая тень. Рука Духарева потянулась в мечу раньше, чем он проснулся... И остановилась на полпути – Сергей узнал ночную гостью.

– Ты уверена, девочка, что это правильно? – спросил он, когда гостья нырнула к нему под одеяло.

Глупый вопрос. Он и договорить не успел, а руки сами проникли под шелковую ткань, царапнули мозолями нежную кожу бедер, сжали плотные округлости ягодиц. Шелковая рубаша сбилась к груди.

– Сними, – прошептал он, помог девушке выпростаться из рубашки, притянул к себе. Людомила обняла его шею, прижалась тесно-тесно: грудью, бедрами, животом.

Влажные губы коснулись уха:

– Возьми меня скорее, воевода... Любимый...

Сергею очень захотелось сделать именно так, как она сказала. Взять ее сразу, в это самое мгновение. Он чувствовал: эта девушка, ее тело, ее желания, чувства – созданы именно для него. И это было единственное, что он знал наверняка.

– Я так долго тебя ждала... – шептала девушка, вздрагивая от его прикосновений.

Сергей не отвечал. Его рот, губы, язык отвечали ей не словами, иначе... Он не думал о том, что делает, как воин, победивший в сотнях поединков, не думает о том, как двигаться и какими приемами запутать противника, подчинить себе, «подготовить», а затем, в точно определенный момент, нанести единственный, выверенный, неотразимый, стремительный удар.

Только это был не поединок. И торопиться было незачем, ведь до предрассветной стражи оставалось еще целых шесть часов...

* * *

– Ты почему меня не разбудил? – недовольно сказал Духарев. – Я же сказал: последняя стража – моя!

– Да ладно тебе, батька! Будто мы без тебя врага не приметим, – непочтительно ответил Велим. – Чего серчаешь попусту? Ты – старый. Тебе отдохнуть надобно.

– Это я – старый? – Духарев даже опешил от такой наглости. – Да я тебя, сотник, одной рукой переломаю!

– Угу. Переломаешь. Только где это видано – чтоб воевода сам в караул заступал?

Нет, ну никакого уважения к приказам.

– Меду вели подать, – сказал Духарев.

Не было у него этим утром настроения «строить» нижестоящих.

– Откуда тут мед? – проворчал Велим. – Не дома, чай. Могу вина принести.

– Где это видано, чтобы сотник из старшей гриди сам за медом бегал? – передразнил Духарев. – Челядина пришли.

– А нету никого. Только наши да этот, как его, Пчёлко.

– Как это – никого нет?

– В поле все. Страда.

– А хозяйка?

– Так это она всех в поле и выгнала. Я, батька, с ней пару наших отрядил, Йошку и Азика-касога. Мало ли что.

– Вот это правильно, – одобрил Духарев, потягиваясь. – Поесть чего оставили батьке? Или слопали всё?

Людмила вернулась после полудня. Усталая и очень озабоченная.

Духарева она застала в комнате Пчёлки. Состояние раненого было тяжелое, но дурным запахом от ран не тянуло, и воспаление было умеренное. Выживет Пчёлко. Но на ноги встанет не скоро.

– День добрый, воевода. Прости, что оставила тебя, но сам понимаешь: не соберем урожай – беда будет. Рук не хватает. Может, помогут твои воины?

Духарев покачал головой:

– Они – воины. Их дело – не жать-пахать, а следить, чтобы пахарей не обижали. К тому же я сегодня уезжаю.

– Как? – ахнула Людмила. – Почему сегодня?

– Мне надо быть в Преславе, – нехотя проговорил Духарев. – Это мой долг. Моим ручательством скреплено обещание не чинить городу обид. Я должен быть там, чтобы подтвердить наш с патриархом договор, когда приедет мой князь. Чтобы закончить войну.

– Война не закончится, – хрипло проговорил Пчёлко. – Кесаревич Борис, я слышал, уже идет сюда из Константинополя. С ромейским войском.

– Не будет ромейского войска, – уверенно сказал Духарев.

«Если Калокир не солгал, – добавил он мысленно. – И если не солгал его повелитель, кесарь византийский».

– Однако если другие города не последуют примеру Преславы, мой князь спустит с цепи печенегов.

– Печенеги не умеют брать крепости.

– Зато они умеют жечь и резать. Угры и печенеги превратят в пустыню все здешние земли.

Так и будет. По договору с Никифором Святослав не должен был занимать эти территории. Если он нарушит эту часть договора, Никифор вправе не выполнить свою. Более того,

он может выступить на стороне болгар. Это и есть истинно имперская традиция: сравить два народа, дождаться, пока война измотает их, и тогда, выступив якобы миротворцем, прибрать к рукам земли обоих. Но если болгары и русы договорятся, Никифор не посмеет выступить.

– Я хочу, чтобы между болгарами и русами был мир.

– Понимаю, – сказал Пчёлко. – Ты должен ехать. Но возьми с собой Людомилу. Нельзя ей тут оставаться. Как только ты уйдешь, вернутся еретики.

– Они не посмеют, – возразил Сергей.

– Они вернутся. Нет больше закона в Болгарии. Нет больше веры. Только ересь. Исчадие ада, Аззанаил, непременно вернется. И с ним придут тысячи еретиков.

– Людомилу я беру с собой, – быстро сказал Духарев.

Людомила встрепенулась обрадованно... И тут же угасла.

– Я не поеду, – грустно проговорила хозяйка Межича. Взяла маленькими ручками ручищу Духарева, прижала к щеке.

– Не сердись, Сережа. Не могу я. Пойми! Как же мне Пчёлку бросить («Нет, не слушай ее!» – прохрипел Пчёлко), людей моих оставить без опоры? Пойми, родной: это же всё мои люди! Я с детства – их хозяйка. Как же мне тела их еретикам на поругание отдать, а души обречь на погибель вечную?

Духарев ее понимал. Но что теперь делать? Остаться? Ах, как ему хотелось остаться! Хоть на пару дней... Хоть еще на одну ночь! Нет, не о том сейчас надо думать. О жизни. Если они останутся живы, у них будет еще много ночей. Потому он должен мыслить как воевода, а не как хмельной от любви юнец.

Выполнить долг перед князем, перед своей дружиной. И уберечь Людомилу. Обязательно. Защитить. Пчёлко прав. Богумилы вполне могут вернуться. Конечно, в большинстве своем это сброд. Неуклюжие смерды с вилами и косами. Их сила – исключительно в фанатизме, напроць отрубавшем инстинкт самосохранения. Но и в усадьбе – такие же смерды. Только трусливые. Тех, кто похрабрее да половчее, перебили при первом налете. А единственный настоящий воин Пчёлко сейчас не то что меч, ложку поднять не в состоянии.

– Ладно, – наконец решился Духарев. – Оставлю вам Велима и с ним – четыре десятка гридней. До моего возвращения как-нибудь продержитесь.

– А ты? – спросила Людомила. – Кто тебя защитит на пути в Преславу?

– Возьму с собой шестерых. Доеду как-нибудь, – успокоил ее Духарев. – От мелких шаек отобьемся, от сильных – уйдем. Не тревожься, сердце мое. Всё хорошо будет.

– Не тревожься, батюшко. Все хорошо будет, – в свою очередь заверил воеводу Велим, когда Сергей сообщил ему, что тот остается охранять усадьбу. – Обороним твоих болгарят. Этих, с кожаными мордами, пусть хоть тыща набегит – всех положим.

– Ты, главное, за смердами здешними посматривай. Среди них наверняка есть и послухи, и пособники еретиков. Следи, чтоб нож в спину не воткнули.

– Прослежу, батюшко, – сурово ответил Стемид. – Как уедешь, всех перетрясу. В ком усомнюсь – башку долой.

– Ну, так сурово не надо, – возразил Духарев. – Кому тогда жито убирать? Просто выгони из усадьбы и всё. А доверять можешь тем, на кого Пчёлко укажет. Запомни: Пчёлко, а не хозяйка. Она – женщина. На мир другими глазами смотрит.

– ...А глаза у нее – как два солнышка... – подхватил Стемид и фамильярно подмигнул: – ...когда на воеводу глядит!

– Это тебя не касается, – сказал Сергей. – А вот ежели не сможешь сберечь – спрошу сурово.

– Я твоего спроса уже не услышу, – ответил сотник. – Потому как умру. Но ты, воевода, коли не сберегу твою любу, можешь не жечь тело мое по нашему обычаю, а по-хузарски в землю закопать.

Духарев, наклоняясь, взял его крепко за ремень, даже приподнял слегка над землей.

– Мне не труп твой нужен, а живая Людомила! – процедил он, прожигая сотника взглядом. – Забыл, кто я? Не сбережешь, я тебя и за кромкой найду! – поставил сотника на землю. – Понял меня, гридь?

– Понял, как не понять, – Стемид поправил бронь и не удержался, добавил с ухмылочкой: – А здоров ты, батько! Чистый мишка! И впрямь одной рукой заламаешь.

– Да ну тебя, – буркнул Духарев, повернулся и пошел седлать Пепла.

Хотелось ему надеяться, что в случае критическом Велим не станет стоять насмерть, а увезет Людомилу подальше от опасности.

Глава тринадцатая

Ромейский дозор

Семеро воинов – это много. Если речь идет о том, чтобы разогнать разбойничью шайку. А настоящему противнику здесь взяться неоткуда. Булгарское войско рассеяно, уцелевшие сидят по городам и замкам. А если наткнешься на какой-нибудь крупный отряд, всегда можно улизнуть. У каждого духаревского гридня по две лошади. От печенегов уходили, не то что от здешних виноградарей.

Так рассуждал Духарев, когда решил взять с собой только шестерых: пятерых варягов и Йонаха. Этого взял в первую очередь потому, что оставлять не хотел. Уж больно шустрый парнишка вырос у Машега. Как бы не накуролесил чего.

Одного не учел Сергей. Здесь – не Дикое Поле, где на сотни поприщ – голая степь. И не Русь, где на десять квадратных километров приходится сто кабанов, три медведя, пять леших и один бортник. Здесь – цивилизованные территории. С древних великоримских времен. Не зря ведь нынешние «особо культурные» ромеи булгар мисянами называют, хотя царя булгарского Симеона византийцы еще полвека назад признали (правда, не совсем добровольно) булгарским царем, и его сына Петра официально «василевсом булгар» титуловали. «Мисяне» – это отсюда, из времен Великого Рима, когда здесь не царство булгарское было, а римская провинция Мезия. То есть с намеком: Булгария, мол, исконно римские земли, а Константинополь, соответственно, законный древнего Рима наследник. Опора цивилизации. И как следствие – имеет естественное право повелевать всякими «тавроскифами». Литературно обоснованное. Да и словосочетания «архонт тавроскифов» и «вождь мисян» для имперского уха много благозвучнее, чем «великий князь киевский, хахан тматороканский».

А уж «василевс булгар» звучит и вовсе неприлично, ибо уравнивает какого-то «мисянина» с самим василевсом византийским.

В общем, издревле цивилизованная земля – Булгария. Издревле – римская. Так что нынче, в году девятьсот шестьдесят восьмом от Рождества Христова,⁵ ромейские всадники, топчущие булгарскую землю, и не захватчики вовсе, а законные хозяева, возвращающиеся после шестивекового отпуска.

Вот на этих «хозяев» и напоролся по роковой случайности воевода киевский Серегей со своими шестью спутниками.

* * *

Их перехватили километрах в двадцати от Преславы. Катафракты. И не булгарские, а ромейские. Боевой дозор.

Дорога шла между холмами. На одном склоне – виноградник, на другом – кладбище. Над кладбищем – маленькая деревянная церковь. Там размеренно бил колокол. Духареву бы насторожиться, а он... Задумался о личном. О Людомиле. И provоронил приближение врага.

⁵ Здесь имеется некоторое расхождение в датировке. Византийские источники указывают, что вторжение Святослава в Булгарию произошло в 968 году, а в наших летописях сказано, что это был 967 год. Греческая датировка вызывает у меня большее доверие, поскольку византийские хронисты явно лучше владели вопросом. Правда, византийские хронисты тоже изрядно привирали – в угоду власти предрежащим и из общелитературных соображений, но там, где врать не имело ни выгоды, ни смысла, они были весьма дотошны и пунктуальны. А вот наши летописцы даты путали постоянно. Хотя винить их в этом трудно, ведь большинство летописей было составлено намного позже описываемых событий и, с большой долей вероятности, на основании византийских же источников.

И его спутники, привыкшие к тому, что воевода, ведун, чует беду за три поприща, глядя на спокойного батьку, тоже расслабились.

Ромеи и русы увидели друг друга одновременно. Русы – снизу, ромеи – сверху. Духарев и его гридни всё еще были в облачении болгарских катафрактов, но ромеев это не смутило. Стальные перья копий опустились в боевое положение, всадники сомкнулись и устремились в атаку.

Духарев колебался лишь несколько секунд. Скакать обратно по дороге – дать преимущество конным латникам. Через виноградник не уйти. Значит – через кладбище. Не по могилам, конечно, а по узенькой тропке, ведущей вверх, к церкви. Вражеские всадники – следом. Вернее, следом – лишь часть. Остальные, разделившись, поскакали в обход, чтобы попробовать перехватить русов по ту сторону холма.

Прием старый, но эффективный.

– Йонах! – крикнул Духарев. – Твой конь – самый быстрый, а ты – самый лучший всадник! Не жди! Попробуй добраться до Преславы. Там – наши!

– А как же вы, батька?

– Мы в церкви засядем! Стрел много! Продержимся!

– Я вернусь, батька! – Йонах легко перемахнул с заводной в седло боевого коня, ожег его плетью и птицей полетел вверх, сразу оставив позади Духарева и его гридней.

Звонарь на колокольне остервенело бил в медный купол колокола. Церковь была небольшая, но крепкая, и двери ее уже затворялись, когда Духарев осадил коня, спрыгнул и буквально в самый последний момент успел втиснуть меж створок прикрытое кольчужной сеткой плечо. Рывок – служба-монашек полетел наземь. Духарев, не перекрестившись, будто язычник, ворвался внутрь.

Внутри царил полумрак, жались к стенам какие-то люди. Не воины.

– Прости меня, Господи, – прошептал Духарев.

А его гридни уже вводили под священный свод всхрапывающих, роняющих пену коней.

Полминуты – и толстый деревянный брус вошел в скобы, блокируя дверь.

– Не бойтесь! – крикнул Духарев. – Мы никого не тронем! Зван! За мной!

Подхватил лук с колчаном и бросился вверх по узкой лесенке, ведущей на колокольню.

Вид с колокольни открывался замечательный. Зеленые холмы, желтые опояски дорог, синяя речка. За ней, вдали, черный замок, теряющийся в дымке...

И сотни две всадников в доспехах, сверкающих на солнце, как надраенные бронзовые бляхи.

С колоколенки за всадниками наблюдали трое. Сам Духарев, Зван и гридень Азим, выбранный за выдающиеся стрелковые показатели. Двое оставшихся гридней разместились внизу: присматривать за дверьми, священнослужителями и несколькими прихожанами.

Говорят, на территории Византии церкви обладали правом убежища. Но на болгарские храмы это не распространялось.

Повертевшись вокруг церквушки и убедившись, что отпирать им никто не собирается, ромеи попытались выломать дверь. И были неприятно удивлены, обнаружив, что для хорошего лучника панцирь катафракта – не помеха.

Оставив подстреленных поддумываться на солнышке, катафракты поспешно отступили на безопасное расстояние. Вернее, на расстояние, которое они сами полагали безопасным. Духарев до времени решил их не разочаровывать и приказал своим не стрелять. Тем более стрелы надо было экономить. Совокупный боезапас его «войска» примерно соответствовал численности противника, так что каждая стрела была на счету.

Пока ромеи совещались, Духарев тоже времени не терял: высматривал командиров.

Минут через двадцать ромеи снова пошли на штурм. На этот раз с применением средств защиты, в качестве которых выступали две крестьянские телеги на высоких колесах, на которые сверху набросали всякой всячины. Когда телеги подкатились поближе, Духарев дал команду, и его маленький гарнизон «открыл огонь». Но не по телегам, как ожидали ромеи, а по кучке всадников, расположившихся без всякого прикрытия примерно в четверти километра от церкви.

«Скорострельность» опытного лучника составляет примерно двадцать выстрелов в минуту. Но первые три стрелы оказываются в воздухе в считанные секунды.

Залп – и боезапас русов уменьшился на девять стрел. А численность боеспособных противников сократилась на четыре единицы. Но это были очень важные «единицы». По крайней мере в своей «мишени» Сергей был уверен: во время совещания именно этот ромей жестикулировал активней всех. Точно определить, куда именно вошли стрелы, на таком расстоянии было трудно, но судя по тому, что ромей мешком выпал из седла, повреждения он получил достаточно серьезные.

Остальные катафракты отреагировали на потерю руководства по-разному. Самые храбрые бросились прикрывать начальство телами и щитами, большинство отступило еще на сотню метров, а штурмовая «подтележная» группа продолжала неторопливое движение к воротам.

Тут их ожидало препятствие. Паперть.

Остановившиеся телеги сверху были – как на ладони. И весили они, надо полагать, немало. Поэтому закатывать их вверх по лестнице оказалось задачей непростой. И опасной. Неосторожно высунувшегося наружу ромея гридень Азим пришил к земле, как жука.

Но ромеи – народ упорный. Примерно через четверть часа «штурмовая группа» добралась-таки до дверей. И уже совсем было собралась их рубить... Но тут двери гостеприимно распахнулись.

Их открыли болгары. Но не по собственной инициативе, а по приказу Духарева. И особой радости это ромеям не доставило. Увидеть нацеленные на тебя стрелы в любом случае малоприятно. А лишенных возможности маневра, скучившихся под телегой «штурмовиков» открывшийся вид огорчил до невозможности.

Тем не менее повели они себя достаточно храбро. Друг за другом прятаться не стали, а решительно бросились в атаку. Впрочем, жизненный путь их от этого не стал намного длиннее. Лишь один из них, оказавшийся отменным фехтовальщиком, прожил подольше. Духарев еще рубился с ним, когда дверь закрыли и в церкви снова воцарился полумрак. Тут ромей сообщил, что попался, от огорчения допустил ошибку, которой Сергей не замедлил воспользоваться – подсек противнику правую ногу. Ромей упал, но добивать его Духарев не стал. Церковь как-никак. Нехорошо. Так что ромея обезоружили, скрутили, наложили на ногу жгут и собрались быстренько допросить, но не успели. Сверху раздался вопль Азима. Противник перешел в решительное наступление.

Когда Духарев взбежал на колокольню, его достали сразу две стрелы. Одна чиркнула по шлему, вторая ударила в плечо, прошла наплечник и застряла в кольчужном плетении. Не зря Духарев под трофейный панцирь поддевал кольчужку! Сергей поспешно присел. Теперь стрелы пели над ним. Медный колокол гудел от множества ударов. Наверх, прыгая через две ступеньки, выскочил Зван. Духарев перехватил его, можно сказать, на лету и повалил на помост. Так что под стрелы парень не угодил. Азиму повезло меньше. Бедняга касок висел на ограждении, и его тощие ноги, обутые в верховые сапоги с узкими носами, подергивались, будто у живого. Но Азим был мертв. Ромейские стрелы били в труп.

Колокол гудел тревожным басом, но сквозь этот гул было слышно, что там, внизу, уже начали ломать дверь.

Ромейские лучники продолжали стрелять, но Духарев уже понял, что быют они не вразброд, а дисциплинированно, залпами.

Дисциплина – это хорошо.

– Готовься! – крикнул Сергей Звану. – На мое – «бей!» По три стрелы!

Выждал до трехсекундной паузы между залпами...

– Бей! – закричал он, распрямившись и мгновенно выпустив три стрелы туда, где полдюжины ромеев дружно ломали двери.

Выстрелил и присел. Надо полагать, попал, потому что удары прекратились. Он не видел, куда стрелял Зван, но надеялся, что и его стрелы не пропали зря.

Раз, два, три, четыре... Над головами пропела очередная порция стрел...

– Бей!

Раз, два, три, четыре...

– Бей!

На этот раз не вертикально вниз, по паперти, а туда, где, прикрывшись щитами, непрофессионально сгрудились ромейские стрелки.

Раз, два, три, четыре...

– Бей!

Там, внизу, кто-то наконец сообразил, что стрелять залпами неэффективно. Теперь ромеи лупили кто во что горазд. А горазды они были не очень. И целились куда менее старательно, чем раньше. Стрельнул – и за щит. Снизу вверх даже хорошему стрелку трудно взять правильный прицел, а стрелок посредственный, да еще озабоченный собственной безопасностью, в такой ситуации с тридцати метров в коровью тушу не попадет. Ромеи же стреляли аж с пятидесяти и даже в колокол теперь попадали довольно редко. А может, у них запас стрел иссяк?

Но Духарев со Званом все же особо не рисковали. Выпрямился, метнул стрелу в кого-нибудь из тех, кто подставился, – и в укрытие.

Минут через десять ромеи отступили. Очень вовремя, потому что у Духарева со Званом тоже закончился боезапас.

Поле боя осталось за русами. И на поле этом осталось не меньше трех десятков ромеев.

А стрелы – не проблема. Боезапас можно пополнить ромейскими.

Духарев снял Азима с ограждения, положил ничком – спина убитого была утыкана стрелами, как мишень из бычьей шкуры – после тренировки отроков.

– Пригляди тут, – велел он Звану, а сам спустился вниз: допросить пленного ромея.

К счастью, пленный запирается не стал – Духареву очень не хотелось прибегать к жестким методам допроса в Божьем храме.

Но то, что рассказал пленный (булгарский священник старательно переводил – сам Духарев по-гречески говорил, но не очень уверенно), – не обрадовало.

Отряд, на который напоролась русы, оказался частью «боевого охранения» возвращавшихся из Константинополя булгарских царевичей Бориса и Романа. Более того: оказалось, что отбыли царевичи из Константинополя задолго до того, как их отца-кесаря хватил инсульт. То есть лодьи русов еще на Дунай не вышли, а «союзники»-византийцы уже отправили в Булгарию царевичей и, в поддержку им, трехтысячную армию под командованием патрикия Никифора Эротика. И армия эта вот-вот будет здесь, потому что дозору была изначально поставлена задача добыть «языка». И командир катафрактов, оказавшихся на поверку и не катафрактами вовсе, а легкой конницей, сразу же отправил начальству гонца с сообщением, что обнаружена и блокирована группа из нескольких скифов, которые, судя по доспехам, не какие-нибудь степные бродяги, а вполне авторитетные воины. Возможно – из личной дружины Святослава.

Как в гриднях Духарева опознали «скифов», тоже выяснилось просто. По посадке. Любой опытный кавалерист-ромей сразу замечал, что русы держатся в седлах «не так».

В общем, дела у Духарева и его парней были кислые. Имелся небольшой шанс, что удастся покинуть церковь, когда стемнеет. Но еще более вероятно, что с наступлением темноты ромеи снова пойдут на штурм.

Одна надежда, что Йонах сумел добраться до Преславы, там выделяют отряд – выручать воеводу, и подмога эта поспеет раньше, чем патрикий с войском.

Потому что вряд ли Икмор со Щенкем пошлют на помощь Духареву больше двух-трех сотен гридней. Им ведь в первую очередь Преславу надо держать.

Щенкель, тот бы и вовсе никого не послал – у него с Сергеем отношения сложные. Но Икмор – друг. Этот может и сам прискакать... И угодить прямо в лапы ромеев. Два ближних воеводы Святослава – роскошная добыча.

Но Духарев всё равно не жалел, что ездил в Межич. Людомилу спас, а себя... Как-нибудь выкрутится. Не в первый раз.

После разговора с ромеем к Духареву подошел болгарский священник. Страха у него в глазах не было – только беспокойство. За клир и оказавшихся в западне прихожан.

Духарев заверил, что русы им ничего худого не сделают. Сам он – христианин и готов хоть сейчас выпустить всех, кто пожелает. Но как поступят с ними ромеи, он не знает. Может, и пощадят.

Священник отошел к своим, посовещался и вернулся с сообщением, что покидать церковь никто не хочет. Доверия к ромеям у болгар не было. Еще священник предложил причастить и исповедовать Сергея. Мало ли как обернется...

Духарев предложение принял с благодарностью. За себя и за Звана – больше в его маленьком отряде христиан не было.

Перевалило за полдень. Снаружи было тихо. Новых попыток захватить церковь ромеи не предпринимали.

Духарев с гриднями перекусили кое-чем из дорожных припасов. Поделились и с булгарами: экономить не имело смысла. Всё решится этой ночью. Поели, запили церковным вином... Гридни расслабились, задремали. Все, кроме дозорного, конечно.

Духарев думал о Людомиле. И о Сладиславе. Но о Людомиле – больше. Ведь жена была далеко, а Людомила – почти рядом. Сергею стоило закрыть глаза, и он уже ощущал ее: приникшее тело, мягкие губы, тяжелый тугой узел волос на затылке. Мысль о ней кружила голову, как полный мех напоенного заморскими травами меда, сладкого и пряного, пьянящего одним только запахом. Меда, который можно пить большими глотками, долго, жадно... Пока не опустеет мех. Только этот «мех» никогда не опустеет.

Сергей чувствовал ее и желал... Просто нестерпимо. Окажись Людомила сейчас рядом – овладел бы ею прямо здесь, в Божьем храме. И это не было бы грехом... Наверное. Наверное, хорошо, что ее здесь нет... И всё-таки...

– Батька, проснись!

Зван.

Духарев сел, встряхнул головой. Вокруг полумрак, но сверху, из высоких узких окон-прорезей, сочится тусклый свет.

– Долго я спал?

– Солнце садится.

– Ага... А что ромеи?

– Плохо. Сюда войско подходит. Ихнее.

– Точно?

– Сам видел. В основном – конные. Много. Стелищ на семь по дороге растянулись.

– Пойду гляну, – Духарев поднялся и полез на колокольню.

Зван не ошибся.

Это были ромеи. Действительно много. Всадники, пехота, обоз... Словом, войско.

– Что будем делать, батька?

Духарев оглядел свою маленькую армию. Пятерых парней, доверивших вождю свою жизнь. Каждый из них присягнул умереть за воеводу. И умрут. Если он велит.

– Как пленный? – спросил Духарев.

– Живой пока.

– Ходить может?

– Не-а.

– Тогда вы двое возьмете его и отнесете к ромеям. С вами священник пойдет. Переводить будет. Скажете ромеям... – Духарев задумался. Надолго.

– Чё сказать-то? – не выдержал кто-то.

– Скажете: я – воевода киевский Серегей. Я не воюю с императором ромеев. И я готов сдаться, если моим людям сохранят жизнь и не причинят вреда.

– А тебе, батька?

– Это всё.

– Но батька...

– Всё! Скажете точно, слово в слово. А еще добавьте, что говорить я хочу либо с ромейским стратигом, либо с царевичем Борисом. И еще скажете, что я – друг патрикия Калокира, посланника кесаря Никифора Фоки...

Глава четырнадцатая

Ромейская честность

– Ты полагаешь, росс, что это хорошая рекомендация – быть другом изменника Калокира?

На одутловатом лице патрикия Никифора Эротика – привычная брезгливо-надменная гримаса потомственного аристократа, разговаривающего с варваром.

Рядом с патрикием – ромейский поп. Попа зовут Филофей. Он – важная шишка, поскольку патрикий обращается с ним как с равным. И, кажется, даже немного заискивает. Оба – и поп, и аристократ, неплохо владеют языком славян, так что переводчика не требуется. Естественно, перевода не требуется и обоим болгарским царевичам, которые тоже присутствуют здесь. Но помалкивают.

Духареву сыновья Петра не понравились. Одеты по-византийски, рожи постные, глазки потуплены. Вид у обоих далеко не царственный. Впрочем, что возьмешь с тех, кто с малолетства – в заложниках.

– Изменника Калокира? – Это для Духарева сюрприз. – Мне об этом ничего не известно. Мой князь – союзник вашего императора. Он здесь – по его просьбе.

– Следи за своим языком, росс! Император не просит – он повелевает!

– Пусть так, – согласился Духарев. – Мы здесь, потому что болгарский кесарь отказался выполнять повеления Константинополя, и ваш император повелел предложить моему князю золото, чтобы мой князь пришел сюда и научил болгар повиновению. Так сказал патрикий Калокир, которого ты назвал изменником. Возможно, ты и прав, патрикий, но могу тебя заверить: золото, которое привез Калокир, чтобы мой князь помог вашему императору в его войне с булгарами, было настоящим.

– Ты лжешь, варвар! – перебил Сергея патрикий.

– Не кричи, ромей! Даже этот священник рядом с тобой сможет отличить настоящее золото от фальшивого!

– Не о золоте речь. Ты лжешь, говоря, что император Рима воюет с Булгарским царством! – Патрикий повернулся к царевичам: – Разве не с почетом принимали болгарских послов в июне сего года?

Царевичи закивали, подтверждая.

«Ловко», – подумал Духарев.

Нанятые ромеями русы высадились в Булгарии в августе, а хитрожопые ромеи за два месяца до этого принимали болгарских послов и небось договор о взаимопомощи заключили.

Тем временем патрикий по-гречески принялся заверять царевичей, что всё будет путем и Великая Преслава никогда не достанется варварам.

Духарев понимал достаточно, чтобы сообразить, о чем идет речь. Разубеждать никого не стал. Во-первых, потому что не считал ни себя, ни своего князя варварами, а во-вторых – не желал афишировать, что кое-как, но понимает ромейскую речь.

Патрикий снова вспомнил о пленнике.

– Ты утверждаешь, росс, что находишься у нас на службе. Тогда почему ты напал на моих воинов?

– Это они напали на меня, – возразил Духарев. – Я и мои люди были вынуждены защищаться.

– Ты мог сдаться, – заметил поп Филофей.

– У меня не было возможности вступить в переговоры, – сказал Духарев. – Когда на меня нападают, я сражаюсь.

– Ты и твои люди убили сорок шесть воинов императора. Это преступление.

– Это бой, – Духарев пожал плечами. – Воины императора тоже убили одного из моих воинов.

Опрометчиво сердить тех, от кого зависит твоя жизнь. Но Сергею было наплевать.

Патрикий поморщился, а Духарев поймал весьма заинтересованный взгляд царевича Бориса.

Похоже, арифметика, в которой выразилось столкновение двухсот ромеев и шести русов, произвела на него впечатление.

– Вы не воины, а разбойники, – процедил патрикий. – И вас накажут, как разбойников. Вас распнут! Распнут! – повторил ромей с явным удовольствием. – Завтра на рассвете! Уведите варвара! – бросил он страже.

– Ты поклялся, что сохранишь жизнь моим людям! – возмутился Духарев.

– Клятва, данная язычнику, – недействительна, – ухмыльнулся патрикий. – Верно, преподобный Филофей?

Поп с важностью кивнул.

– Я не язычник, ты, лживая ромейская обезьяна! – рявкнул Духарев. – Я – христианин!

– Ты должен выполнить обещание, патрикий, – заметил царевич Борис.

– Даже если он и крещен, это не важно, – сказал ромей. – Он разбойник. Этим всё сказано. У разбойников нет ни понятия чести, ни понятия верности клятве.

– Зато они есть у нас! – возразил царевич. Он определенно начинал нравиться Сергею.

– Ты клялся сохранить жизнь его людям, – подал голос Филофей. – О нем самом не было сказано ничего. Но я бы сохранил ему жизнь. Если он действительно военачальник Сфендослава, за него могут заплатить неплохой выкуп.

– Наверняка он на это и рассчитывал, – по-гречески отозвался патрикий. – Но посмотри на него внимательно, преподобный. Это наш враг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.